

Ицхак Шалев

Дело Габриэля Тироша

Ицхак Шалев
Дело Габриэля Тироша

«Книга-Сэфер»

2007

Шалев И.

Дело Габриэля Тироша / И. Шалев — «Книга-Сэфер», 2007

В романе, выдержавшем 18 изданий на иврите, описана удивительная, своеобразная и в то же время столь характерная для школьных лет в любой стране мира атмосфера. Это школьные будни и праздники, беспокойное время влюбленностей, сплетен и интриг. И это несмотря на тревожное время, что так напоминает школьные годы в романах «До свидания, мальчики» Бориса Балтера или «Завтра была война...» Бориса Васильева...

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	7
3	8
Глава вторая	10
1	10
2	12
3	14
Глава третья	16
1	16
2	17
3	19
Глава четвертая	21
1	21
2	23
Глава пятая	26
1	26
2	28
Глава шестая	31
1	31
2	32
3	34
Глава седьмая	36
1	36
2	38
3	40
Глава восьмая	43
1	43
2	45
3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ицхак Шалев

Дело Габриэля Тироша

Благодарим наследников Ицхака Шалева и, особенно, его сына Меира Шалева, а также издательство «СИФРИАТ АПОАЛИМ», за предоставление права перевода и издания книги на русском языке.

Издание осуществляется при поддержке Совета по культуре и искусству Управления государственных лотерей Израиля «Мифаль ха-Пайс»

Глава первая

1

Вчера, в тот момент, когда я прошел мимо одной из парикмахерских на улице Бен-Иегуда, напал на меня великий страх. Специфический запах одеколona, которым пользовался Габриэль Тирош после бритья, привел меня в это состояние. Вот уже более двадцати лет моих ноздрей не касался этот запах, и, несмотря на это, я узнавал его и помнил силу его печальной памяти, словно бы у печали, ткущейся временем в моем сознании, и был этот запах.

Я вообще очень чувствителен к запахам, и завишу от воспоминаний, связанных с ними. Я могу вспоминать запахи точно так же, как другие вспоминают картины прошлого. Более того, могу представить запах до такой степени отчетливо, что кажется – источник его находится рядом со мной.

Но запах одеколona, едва не вызвавший тошноту, не был воображаемым. Он исходил от парикмахерской и был столь неожидан, что я не смог двигаться дальше и зашел в эту парикмахерскую, словно сам Габриэль Тирош сидел там, отдуваясь и подставляя щеки полотенцу, энергично летающему в руках цирюльника. Но, конечно же, этот мой порыв был глупостью.

В кресле сидел другой человек. Я поторопился выскочить оттуда, и крики парикмахера, обещающего обслужить в течение считанных минут преследовали меня, пока я едва не бежал по улице.

Честно говоря, я бы не был удивлен, если бы и вправду нашел там Габриэля, или, как называли его ученики, господина Тироша. Габриэль набил во мне и моих друзьях оскомину ко всему, что казалось необычной гранью любой вещи. Ореол чуда и тайны всегда окружал его, так что казался нам делом обычным, а не чем-то из рук вон выходящим. Я вовсе не удивлялся, видя его встающим из кресла после бритья и обращающимся ко мне своим авторитетным, чеканящим фразы, как приказы, голосом, который не перестает звучать во мне все эти годы после его исчезновения. Естественно, с необычной легкостью Габриэль исчез, и это давало повод думать, что он с той же легкостью может в один прекрасный день вернуться. Мы знали, что он участвовал в той известной атаке на село Шуафат, где была смертельно ранена Айя. Но о том, что произошло с Габриэлем, мы ничего не знаем, даже после того, как нам удалось с большим трудом собрать обрывочные сведения.

И все же напал на меня страх от самой идеи, что Габриэль может находиться где-то рядом. Я бы не хотел, чтобы он увидел меня в состоянии физического и духовного упадка, в котором я пребываю в последние годы. Мы были спаянной группой двадцать лет назад. Да и после его ухода мы продолжали идти его дорогой и быть теми, какими он хотел нас видеть. Когда

наша группа распалась, мы рассеялись по разным подпольным организациям и продолжали выполнять свое дело, как учил нас Габриэль. Но после провозглашения государства случилось с нами то, что случилось со многими. Укоренились мы в семейном быту, отрастили животы, и, что хуже всего, стали циниками по отношению к тем вещам, к которым Габриэль относился с жесткой серьезностью. Сомневаюсь, смог бы он находиться ныне в нашем окружении и слушать наши речи. Не хотел бы я стоять под его пронзительно холодным взглядом после нашей обычной пустой болтовни, на которую мы тратим свободное время. Могу себе представить, как, выйдя из парикмахерской, он с явной насмешкой хлопает меня по брюху. Так же он бы поступил с Яиром. Мы с Яиром встречаемся, время от времени в одном из иерусалимских кафе, но ясно, что мы не можем ожидать что кто-то, похожий на Габриэля Тироша, присоединится к нашему застолью. В сорок лет мы окунулись в мир праздности, который Габриэлю был чужд и, более того, омерзителен.

2

Я быстро удалился от парикмахерской, но не мог так же убежать от воспоминаний, которые всколыхнул во мне запах одеколона. Невозможно сбежать от самого себя, как от постороннего предмета. Воспоминания – это, и есть твоя сущность. Я спустился к площади у кинотеатра «Сион» и некий внутренний толчок повлек меня в узкие улочки, ведущие от площади.

Ныне эта улица называется Хавацелет, но в те дни, когда Габриэль вел нас по ней к лавке, где можно было купить старую военную амуницию, это была улица Мостовщиков. Я шел по правой стороне улицы в поисках этой лавки. На ее месте я обнаружил редакцию газеты, и чувство времени, ушедшего вместе с исчезнувшей лавкой, охватило меня с необычайной остротой.

Я помнил выставленное в пыльной ее витрине устаревшее боевое оружие (мы его купили). На полках лежали квадратные солдатские ранцы, на которых были написаны по-английски имена бывших владельцев, поясные сумки из брезента, казалось, не обладавшие никаким объемом, но в них можно было поместить целый мир, поясные фляги да и сами пояса. От всего этого, и от самой сумрачной лавки, шел особый запах, и Габриэль пытался сформулировать для нас химический состав этого запаха: некую смесь запаха мужчины, казармы и нафталина. Он велел нам постирать все, купленное нами, но я предпочитал настоящие армейские запахи запаху мыла.

Намного позднее, когда я служил в Армии обороны Израиля, запах этот обнаружился на складе полкового обмундирования, и я с удовольствием принимаю к полученной мною форме. Это воспринималось мною, как физически осязаемый привет из времен Габриэля Тироша, все более удаляющихся в забвение. Такие приветствия я получал, каждый раз приходя на воинские сборы, и пришел к выводу, что запах часто используемого обмундирования одинаков, независимо от времени и места. К сорока годам здоровье мое резко ухудшилось, и я больше не уходил на полевые учения. Перевели меня в другую часть на конторскую работу за столом, куда запахи ранцев и одежды не доходили, разве только в виде номеров в реестре и карточек в картотеке. Запахи эти все более отдалялись, подобно воспоминаниям юности, и уже смутно виделись далеким садом, запахи которого ты мог вспоминать, но не обонять.

Ночами я прислушивался к холодным шагам приближающейся старости. Гуляла она по комнатам, перескакивая через кровати детей. Но приблизившись к моей кровати замирала в ожидании в изголовье, вовсе не замечая спящей со мной рядом жены, словно та ее вообще не интересовала.

Габриэлю сегодня должно быть пятьдесят шесть лет. И если он не гниет под какой-либо грудой камней у села Шуафат или в другом месте, волосы его должны быть абсолютно седыми (уже в двадцать лет виски его побелели), а тело – согбенным. Но, по идее, просто невозможно представить Габриэля согбенным. В свои двадцать восемь лет был он стройным и гибким, и я не могу отделить его голос от облика, худошавого и негибкого, и даже не в состоянии подумать, что он мог растолстеть и отрастить себе брюхо. Также не могу представить его голос переходящим в дискант, как это бывает у стариков. Все это казалось бы естественным у любого человека, но не совмещается для меня с биологией Габриэля. Иногда по ночам я вздыхаю, прислушиваясь к звукам шагов госпожи старости, но был бы весьма удивлен, если бы этот вздох вырвался из его рта. В тот миг, когда я представляю себе, что этот хриплый, несчастный голос принадлежит также и Габриэлю, я подавляю его в себе. Но образ его жив в моей памяти, жив памятью тех ночей в юности, одновременно зовущих и пугающих, в которые мы втягивались столько раз вместе.

3

Есть тип людей, мышление которых ведет их к ясной цели, но есть и другие, которые ведомы порывами их души. Первые отличаются зоркостью и активностью. Никогда не попадают на извилистые и, главное, бесцельные пути. Вторые же, к которым принадлежу и я, блуждают по запутанным тропам, ведущим в никуда, и сердца их исходят жалостью к самим себе от осознания бесполезности их скитаний. И несмотря на это милы мне эти скитания, звучащие в унисон заблуждениям и сумрачности моей души. Габриэль как-то сказал обо мне, что если я буду командовать воинским подразделением, то приведу его не на то место, которое надо оборонять или атаковать, а на место, откуда можно наблюдать закат солнца.

Но он вовсе не сказал это с насмешкой. Он и сам принадлежал к тем, кто желал бы наблюдать солнечный закат и забыть весь мир. Но он умел отключиться от этих грез в нужную минуту и вернуться к реальности. Я же этого не умел.

Лавку давних лет я не нашел, и следовало вернуться на улицу Бен-Иегуда, в банк, где надо было оформить ссуду, ради которой я и вышел в город. Жена моя, активная по характеру, заставила меня идти просить эту ссуду и даже вручила мне бланк с подписями двух гарантов (знала, что я сам не сумею добыть подпись ни у одного человека). Но я продолжал двигаться вверх, по улице Мостовщиков, затем оказался в узком переулке, выводящем на улицу Пророков, и вышел на Русское подворье. Присел на каменные ступени под старой сосной и долго вглядывался в горизонт на северо-востоке Хар Ацофим – Горы Наблюдателей. Не знаю, откуда черпал Габриэль ту смелость или, точнее, дерзость, граничащую с безумием, вести военные занятия на этой линии сплошных арабских сел и лагерей английских войск. И эта не было единственной и его безумной идеей. Не руководила ли этими кажущимися дерзкими поступками часто повторяемая им фраза – «Мне необходимо видеть Мертвое море, чтобы реально и успешно действовать»? Удивляло то, что все эти безумия сопровождала трезвость и точность действий, не раз спасавшая его от попадания в ловушку, засаду, за исключением того случая, после которого он исчез, словно бы растворился.

Взгляд мой скользил по острию шпилья Тур Малка – Царской башни, оттуда перешел на квадратную башню Августы-Виктории, Национальную библиотеку, взгляд охватывал все это волшебное древнее полукружие сосновых рощ, зданий из иерусалимского камня, это подобие лука, который начал пускать в меня стрелы ностальгии, и глаза мои наполнились слезами.

Всегда меня привлекал этот уголок Русского подворья, где каждый житель Иерусалима может окутать себя покоем без того, чтобы его нарушил чей-то посторонний глаз. Когда-то здесь толпилась уйма народа, сегодня же редко кто здесь появляется, и в сосновой роще над старым острогом человек может уединиться и размышлять сколько ему угодно. И я думал о том, что Аарон, и Дан, и Яир, и я не были бледными размытыми копиями Габриэля. И то, что за эти годы мы стали раздавшимися вверх и в стороны мужчинами, не имеет никакого значения. Где-то там, в глубине души, мы те же ученики, сидящие перед своим равом, учителем, любим и ненавидим то, что он учил нас любить и ненавидеть. Конечно, мы не были ясными копиями, и там, где размылись линии, характеры наши прорезали свои борозды, и они отдалили нас от оригинала и вообще перекрыли его. И все же, несмотря на все это, в нас можно было найти знаки образа Отца. Ведь и по сей день после любого решения я спрашиваю себя, что бы сказал об этом Габриэль. Так же и Яир, ставший командиром подразделения подпольщиков, влившихся в армию во время войны за Независимость, перед каждой операцией в душе советовался с Габриэлем.

И так, размышляя, я спустился по улице Мелисанда, ныне называемой Елени Амалка, и повернул налево, на улицу Сент-Поль – Святого Павла. По ней шли автобусы, везущие в Университет на Хар Ацофим, на которых мы ездили столь часто, но сейчас нет более пустынь

ной и скучной улицы, более подходящей скуке и пустоте внутри меня. Разрушенные здания у ворот Мандельбаума кажутся мне зеркалами, отражающими разруху в моей душе, и расколотые крыши подобны расколотым моим надеждам. Под этими крышами была и квартира Габриэля.

Итак, шагаю я по улице Пророка Самуила, дохожу до сада Синедриона, в котором скрыты погребальные пещеры. Отсюда, как загипнотизированный, гляжу на Французскую рощу, над которой село Шуафат, где погибла Айя и завершилась, быть может, главная часть нашей жизни, связанная с Габриэлем Тирошем. Возвращаюсь домой с виноватым выражением лица, и жена ни о чем не спрашивает меня, понимая, что дело с оформлением ссуды опять завершилось какой-то непонятной для нее прогулкой вдоль границы.

Глава вторая

1

Хорошо помню день, когда мы познакомились с Габриэлем. Не был он тогда «Габриэлем», а был новым учителем истории господином Тирошем. Старичок учитель, который преподавал нам историю до конца шестого класса Иерусалимской национальной гимназии, умер в дни летних каникул, и в начале седьмого класса, после церемонии поминаения покойного, нам объявили, что в ближайшие дни к нам придет новый учитель. Несмотря на то, что мы были старше по возрасту, чем должны быть ученики седьмого класса, в нас все еще жило ребяческое любопытство к явлению, называемому – «новый учитель». Тем более, сказано было нам: учитель этот самый молодой среди преподавателей гимназии, большинство которых подошло к пенсионному возрасту, но продолжало работу, не желая уходить на пенсию.

Господин Тирош возник перед нами, и без всякого вступления и знакомства начал урок о Крестовых походах. Естественно, в первые минуты мы не вникали в его слова и тему, а лишь изучали его вид и стиль речи, которые далеки были от привычных. Осанка его была столь прямой, что, казалось, он подобен мечу, извлеченному из каких-то невидимых ножен. Загорелое лицо резко контрастировало с бледно-водянистым цветом кожи высоколобых учеников религиозных школ. «Где он так загорел?» – не давал нам покоя вопрос. На перемене мы пришли к выводу, что он только что вернулся из отпуска на море. Взгляд его был прямым, и зеленые глаза, ощутимо излучающие силу, полные жизни, просто гипнотизировали нас, отмечая любую мягкотелость. Помнится, зеленый свет его глаз не давал покоя девушкам в классе, словно бы околдовал их, в то время как стиль его речи, которая была, по их мнению, жесткой и однозначной, как приговор суда, явно разочаровывал. Из первых впечатлений и слухов проистекало, что новый учитель речь свою не выплетает, а высекает слово за словом из груди, возвышающейся как скала, на которой высоко сидела голова. Полагали, что он двадцати или двадцати пяти лет. Оказалось, ему двадцать восемь, что разочаровало некоторых наших одноклассниц, которым такой возраст казался слишком старым для молодого привлекательного мужчины. Это не мешало им находить особое очарование в пробивающейся у него на висках седине. Было бы это в их силах, они, несомненно, оставили бы эти сединки, омолаживающие их владельца.

Я же находился под впечатлением особого запаха одеколona после бритья, который шел от господина Тироша с первого момента его появления в классе. Меня удивляло, что об этом не говорили на перемене в обсуждении первых впечатлений от нового учителя. Я уже отмечал, что отличаюсь редкой среди людей чувствительностью к запахам. С того момента я определял присутствие господина Тироша по обволакивающему его аромату. В течение некоторого времени возникло и закрепилось во мне некое ощущение на грани галлюцинации. Я воображал себя, идущего позади господина Тироша, облаченного как бы в мантию особого аромата и поддерживающего край этой мантии. Таким он мне представлялся всегда – со шлейфом смутного и приятного аромата, тянущимся за ним.

Довольно скоро мы поняли, что отныне будем заниматься всерьез, а не вести бесполезные «общие разговоры» как при прежнем учителе, о том или ином периоде истории, не касаясь фактов. Господин Тирош придерживался только фактов и событий, и не давал нам фантазировать, пряча собственное незнание за сюжетами, почерпнутыми из исторических романов. В отличие от предшественника, который удовлетворялся лишь учебником по истории (он сам этот учебник составил и распространял), господин Тирош отсылал нас к различным вспомогательным статьям, которые мы должны были самостоятельно прорабатывать. Не прошло и нескольких недель, как мы были по уши погружены в уроки, и тетради по истории, которые

вообще не существовали при прежнем учителе, начали быстро заполняться записями. Сначала мы злились на эту тяжесть, возложенную на нас, но после нескольких месяцев неприязнь сменилась удовлетворением от проделанной работы. Господин Тирош давал нам темы для работ и посылал в библиотеку гимназии и в другие библиотеки, включая Национальную библиотеку на Хар Ацофим. Он сам посещал вместе с нами хранилища книг и объяснял, как пользоваться различными источниками. Благодаря этим работам мы начали знакомиться с такими дисциплинами, как политика, экономика, искусство и философия. И наша первоначальная растерянность сменилась уверенностью от понимания материала. В конце концов мы представили ему итоговые работы, понимая, что наши успехи достигнуты благодаря ему.

Но, кажется, я слишком забежал вперед. Уже после первого урока мы ясно поняли безошибочным ученическим инстинктом, что приятные дни ничегонеделания с прежним учителем безвозвратно канули в прошлое, и в будущем предстоит нам нелегкий труд. Также было ясно, что с этим «типом» шуточки и разные издевательские штучки, типичные в отношениях учеников и учителей, не пройдут, и в зеленых его глазах хоть и скрыта, но весьма ощутима нешуточная решительность. В его глазах не было ничего от знакомого нам еврейского взгляда тех, кто приехал в страну недавно. Значит, решили мы, он «сабра» – уроженец страны, ибо мы сами в большинстве родились здесь. В этом мы видели определенное его преимущество по сравнению с остальными учителями гимназии, которые все были приезжими, родились и жили достаточно времени в диаспоре. Смуглый цвет его кожи служил нам еще одним доказательством, что, наконец, мы удостоились учителя-сабры, одного из наших. Каково же было наше удивление, когда мы узнали у школьной секретарши, что господин Тирош – выходец из Германии, и живет у нас, в Эрец-Исраэль, всего лишь несколько лет.

2

И тем не менее, наша Национальная гимназия пригласила господина Тироша преподавать историю в старших классах, несмотря на его молодость и отсутствие опыта преподавания. Можно себе представить, что было бы, если бы старик директор гимназии узнал хотя бы один из тысячи планов, которые втайне лелеял реализовать господин Тирош вне учебных программ. Он бы тут же велел этому господину сгинуть с его глаз. Но он даже не догадывался об этом, как и мы – ученики седьмого и восьмого классов, за исключением небольшой группы, которую отобрал господин Тирош, чтобы раскрыть свои идеи.

Он стоит перед моими глазами – доктор Розенблюм, верный ветеран сионизма, уроженец Литвы, много лет руководивший гимназией, которая была садом, растрившим иерусалимскую интеллигенцию.

Вот он, посверкивая пенсне, ведет беседу с учеником в кабинете, и уважительная эта беседа течет, подобно оливковому маслу, медленно, вальяжно. Ирония судьбы состоит в том, что, беседуя с молодым претендентом на преподавание истории, он вовсе не заметил, можно сказать, урагана, источаемого глазами господина Тироша. Он лишь с большим удовлетворением ознакомился с его дипломом об окончании Берлинского университета и был искренне удивлен уровнем его знания иврита. С одной стороны, доктор Розенблюм понимал, что претендент слишком молод, с другой же стороны, невозможно было не взять в расчет отличные оценки диплома и впечатляющий внешний вид, уверенность в себе, серьезность и ответственность. К тому же в сердце ветерана сионизма действовал еще один решающий довод: молодой претендент был беженцем из страны злодеев, которые пустили по ветру пепел, оставшийся от европейских евреев, и следовало его поддержать. Ирония же состоит в том, что хорошее мнение доктора Розенблюма о господине Тироше, по сути, не изменилось после того, как последний исчез. Таинственное исчезновение до конца учебного года огорчило и удивило старика, но из бесед с ним я понял, что он готов был принять обратно в школу, я бы даже сказал, своего любимца, в любой час.

«Раз он ушел, – говорил нам старик надломленным голосом, – значит, была в этом необходимость».

Случилось это в считанные дни после смерти ученицы гимназии Айти Фельдман. Старик был потрясен и подавлен этими трагическими событиями, идущими одно за другим, но все это не мешало ему продолжать свою каждодневную работу, которая была для него делом священным. Целью его жизни было сделать школу достойной своего имени – Национальная гимназия. По сути, он продолжал жить в историческом периоде национального пробуждения Европы, всецело, душой и телом, преданный сионистскому возрождению, и жаждал воплотить в реальности то, что несли в себе слова «национализм» и «возрождение», в стенах гимназии. Изучение Священного Писания и литературы совмещалось с собиранием денег в Еврейский Национальный Фонд – Керен Кайемент ле Исраэль. Имена идейных отцов сионизма – Ахад-Гаама, Усышкина, Вейцмана воспринимались, как имена пророков Исаяи, Эзры, Нехемии, и ничто не отделяло старое движение «Любовь к Сиону» – Хибат Цион – от движения Билуицев и Второй алии. Доктор Розенблюм стремился к тому, чтобы учителя преподавали ученикам возвышенное прошлое и возникающее на глазах настоящее, как единое целое, показывая, как воплощаются в реальности пророческие предсказания в поселениях Иудеи и на полях Изреельской долины. И опять я вижу иронию судьбы в том, что и господин Тирош стремился найти общее в исторических процессах разных времен, только цель его выходила далеко за рамки девиза освобождения путем приобретения «дунама здесь, дунама там», являвшегося светочем для доктора Розенблюма и учителей. Перед ними сидели ученики, на которых возложено было сионистским движением быть интеллигентами будущего еврейского государства, вести

за собой поколение и строить отечество. Только во всех этих в высшей степени уважаемых делах ивритского образования, руководства поколением и строительства отечества, мы, ученики имели свое мнение, не всегда совпадающее с мнением наших учителей и воспитателей из старого поколения сионистов.

3

Мы были, как говорится, «дети из хороших семей», без иронии и насмешек, сопровождающих это понятие сегодня. Мы еще не знали, как можно сбиваться в ватагу для воровства или грабежа и последующей дележки трофеев. Мы еще не использовали для гулянок и пьянок большие квартиры родителей, уезжавших за границу. Да и они в те годы не столь часто отдыхали за пределами страны. И не то, чтобы мы были наивны или бездейственны. Мы тоже, к примеру, таскали материалы с какой-нибудь плохо охраняемой стройки, но не для того, чтобы продать их в свою пользу, а чтобы завершить возведение барака нашего молодежного движения или развести костер и что-либо сварить или поджарить. Конечно же, были объятия, и поцелуи, и танцы под звуки патефона, но к заранее планируемой оргии мы даже и не приблизились. Попивали вино и курили английские сигареты, но питье и курение не были чем-то даже близко похожим на некий культ, без которого уже невозможно обойтись. Во всех наших действиях, престающих закон, мы придерживались одного правила: делать это не для себя, а для коллектива, группы, движения, организации, народа. Были у нас в те дни цели, средства для достижения которых могли квалифицироваться как преступления, но никогда мы не путали средства эти и цели. Мы достаточно остро чувствовали разницу между веянием крыльев духовных идей и грубым прикосновением крыла эгоизма и корыстолюбия. Мы еще отчетливо слышали чистый и неиспорченный язык общественных и национальных идей, стараясь перевести их на язык действия. Потому мы отлично понимали Габриэля, который всегда направлял нас и вел к поступкам, и не понимали других учителей, которые предпочитали оставаться в теоретическом мире идей, абсолютно отвлеченном от мира вне занятий.

Говоря «другие учителя», естественно не могу не вспомнить господина Нойштадта, преподававшего ТАНАХ, поменявшего фамилию на – Карфаген.

Он красочно расписывал нам величие развалин Иерусалимского Храма и города Давида, но даже и не подумал показать нам эти места, хотя мы жили в том же Иерусалиме. К чести доктора Розенблюма надо сказать, что он требовал от учителя провести с нами экскурсию в этих местах, показать нам источник Гихон, Силоамский пруд, от которых веет древностью, подобной отцвету, идущему от вод источника Эйн-Рогел, но все его требования остались глазом вопиющего в пустыне. От всего этого Карфаген тут же сбегал в мир поздних пророков, в укрепление по имени «вечный мир» пророка Исаяи и «социализм» пророка Амоса, даже и не думая покинуть его и выйти на какую-нибудь грунтовую дорогу или полевую тропу. Можно было полагать, что этот недостаток будет исправлен доктором Шлосером, преподававшим нам предмет «Знай свою страну». Но этому доктору было легче энергичным жестом руки показать по диагонали карты древнюю дорогу из Бейт-Хорона в Иерусалим, чем воочию провести нас по ней. Когда он устал от бесконечных движений руки, соорудил себе длинную указку, которой без особых трудностей мог дотянуться до любой точки на карте, не вставая со стула. Таким образом, при помощи этой указки была решена проблема экскурсий в Иудею, Издрельскую долину и Галилею. Но всех по скуке превзошел учитель литературы доктор Дгани. Он извлекал из портфеля записи двадцатилетней давности и патетически читал похвальные слова «Дифирамбам» Нафтали Герца Зайделя. Затем осваивались в знойной стране, добравшись до романа «Любовь к Сиону» Ману. Тут мы познакомились с анютиными глазками, называемыми Иван-да-Марья, в переводе на иврит – Амнон и Тамар, и наконец-то дошли до «начала сионизма» и стихотворения Бялика «К птице». Мы стали просить его сдвинуться с Бялика – к стихам и рассказам, в которых ощущается дыхание сегодняшнего дня возрождающейся еврейской жизни в Эрец-Исраэль, но он заявил нам без обиняков, что для него ивритская литература закончилась на Бялике. Что же касается дальнейшего, то он просто не понимает эти ассирийские письмены современных ивритских поэтов. Нельзя сказать, что мы не путешествовали по стране и

не читали стихи и рассказы, которые непосильны были нашему учителю, но все эти вещи, полные красоты и свежего веяния настоящего, постигались нами за пределами гимназии, в рамках нашего молодежного движения или по личной инициативе.

Были у нас и другие учителя, как господин Лифцин, преподававший математику, и господин Лиман, преподававший природоведение и химию. Они-то по-настоящему выкладывались, со всей серьезностью относясь к своему предмету. Но они как бы лишены были личностного начала, некоего индивидуального очерка, который мог зажечь воображение в событиях надвигающегося времени. Словно сделаны были они из какого-то пресного материала, без малейшей искры.

Таково было положение, если можно сказать, в «пред-тирошский» период. Господин Тирош ворвался в это тихое болото преподавания, вдохнул в него жизнь, закружив наш седьмой класс в бурном вихре учебы, которой мы до этого просто не знали.

Глава третья

1

Два месяца прошло с начала его преподавания, и он уже совершил невозможное. Непонятно какими путями и способами убеждения ему удалось добыть в учительской бланк, на котором пишущей машинкой был отпечатан план учебной экскурсии в дни, предшествующие празднику Ханука. Цель похода, которая была сформулирована под заглавием «Учебная экскурсия», звучала так: ознакомление с крепостями крестоносцев в Галилее. Удивительно было не разрешение на экскурсию – директор гимназии доктор Розенблюм всегда был готов его дать – а то, что руководство гимназии согласилось на проведение этой трехдневной экскурсии, которая обычно намечалась на праздник Песах, как бы завершая учебный год, зимой. Когда мы спросили господина Тироша, как он сумел перенести этот поход на декабрь, он объяснил нам, что речь идет об «учебной экскурсии», а не о походе, завершающем учебный год. А это совершенно разные вещи. В общем-то мы так и не поняли разницы, ибо для нас это было оно и то же.

Да и вся учительская была удивлена, услышав эту новость. Вокруг большого стола, покрытого зеленым сукном, шло бесконечное обсуждение, столкновение различных мнений. Все это мы слышали сквозь вечно полуоткрытую дверь. Учитель ТАНАХа Карфаген был приглашен принять участие в экскурсии, давать объяснения местам и раскопкам библейского периода. В начале он с большой радостью дал согласие, но затем, заглянув в календарь, понял, что дни экскурсии совпадают со свадьбой его дочери, и с большим огорчением вынужден был отказаться, жалуясь на жестокость сил небесных, столь равнодушных к желанию его души. Участие доктора Шлосера в экскурсии не вызывало сомнения, и на одном из своих уроков он показал при помощи своей длинной указки предстоящий нам путь. Но за два дня до экскурсии доктор Шлосер, явился в гимназию с торчащими из ушей клочьями ваты. Жаловался на воспаление среднего уха и отсутствие лекарства от этого заболевания, кривясь от боли. В конце концов, к господину Тирошу в помощь и для поддержания порядка был назначен учитель физкультуры.

2

Эта экскурсия по горам Галилеи дала нам возможность узнать господина Тироша с тех сторон, которые невозможно увидеть со школьной скамьи. Но мы и представить себе не могли, что в этой экскурсии и он изучает нас и видит в нас то, что невозможно увидеть в классе.

Было нас тридцать пять парней и девушек, среди которых сразу же выделились Аарон и Дан, как истинные следопыты и знатоки полевой жизни. С ними третьей всегда была Айя. Они были членами иерусалимского движения «Следопыты Йоханана», командирами групп. С высоты своего статуса поглядывали на всех остальных с явным высокомерием, демонстрируя при любой возможности преимущества накопленного ими опыта существования в полевых условиях. Они умело сооружали подобие плиты для готовки, особым образом резали овощи для салата, жарили мясо на сковороде только для них, троих. Вместе пили кипящий кофе из отдельного чайника, уверенные, что вкус их кофе превосходит кофе, сваренный всеми остальными. Они строго придерживались режима экономии воды, но давали пить из своих всегда полных фляжек любому однокласснику, страдающему от жажды, жестом, демонстрирующим одновременно широту их души и плохо скрываемое, несколько насмешливое пренебрежение. Они считали себя «элитой» класса, и держали от всех остальных вежливую, но ясную дистанцию, давая об этом знать любому, желающему присоединиться к их группе. Помню, какую отчаянную зависть я испытывал к Аарону и Дану. Не только из-за преимущества их в знании полевой жизни (меня вообще не впечатляло их умение зажечь костер одной спичкой), а главным образом из-за Айи, входящей в их братство.

Подобно им, отчужденным от нас виделся мне Яир, которому дали кличку «Амок», то есть подверженный странным, я бы сказал, безумным порывам. Он был крепко сложен, всегда весел, но отсутствовало в нем душевное равновесие, которое позволяет человеку сохранять самоуважение, и он время от времени нырял в провалы и бездны, близкие к сумасшествию. В такие мгновения он опускался до самой низкой точки поведения, обескураживающего, ставящего в тупик товарищей, оказавшихся рядом с ним. Если это погружение во мрак души происходило на уроке, класс мгновенно превращался в дикий хаос. Он прыгал с парты на парту, издавая нечеловеческие вопли, цепко и ловко вскакивал на подоконники, громко испуская газы, как горилла, хватал девушек за волосы, швырял в ребят всем, что попадалось ему под руку. Приступ завершался так же неожиданно, как возникал, и в очередной раз он оказывался в учительской под строгим взглядом доктора Розенблюма, ежась и опустив голову, с тоскливо-беспомощным выражением глаз. Несмотря на все безумства, Яир пользовался уважением товарищей, быть может потому, что в нормальном состоянии, в котором, в общем-то, пребывал большую часть времени, он был душевно щедрым и мужественным, почти всегда избирался в классный совет, проявляя истинную самоотверженность в борьбе за права учеников.

«Русская душа», говорил о нем извиняющим тоном с нотками приязни доктор Розенблюм, быть может потому, что сравнивал его в своем воображении с некоторыми героями Достоевского, которые в пьянстве рушили все вокруг, а отрезвев, проявляли добросердечность и милосердие к окружающим.

Ну, и я там был, ничего не пил, этакое существо, не слишком интересующееся общественной деятельностью, и все же развитие и продолжение фабулы этого повествования требует особого внимания и к моей персоне. Отличался я от большинства одноклассников склонностью к замкнутости и одиночеству, отдаваясь от всех развлечений моего возраста. Эта отстраненность от массовых игр развила во мне воображение, тягу к фантазиям и мечтам, значение которых у окружающих меня одноклассников равнялось нулю. И если бы не способность к сочинениям и написанию статей в школьную стенгазету, никто бы вообще не считал необходимым обращаться ко мне.

С первых дней моих в гимназии я влюбился в Айю, но из-за моей застенчивости это не обнаруживалось ни в пятом, ни шестом классах. Потому и Айя догадалась об этом позднее.

3

Мы поднимались по крутому склону из долины Курейн к развалинам крепости Монфор, видя, как господин Тирош с удивляющей нас быстротой уже поднялся на вершину горы и расстояние между ним и нами все более увеличивается. Учитель физкультуры, следящий за тем, чтобы никто не отставал, не уставал нас подначивать:

«Ну, мои следопыты, вижу, учитель истории захватит Монфор раньше вас!»

Вначале мы принимали с улыбкой эти поддразнивания, но тут он не на шутку рассердил нас:

«Ну, звеньевые и остальные генералы, кто из вас догонит господина Тироша?»

Эту горькую пилюлю мы не могли так просто проглотить и начали почти бежать в гору, впереди всех – Яир.

«Нет, нет, дорогой друг, – крикнул Яиру преподаватель физкультуры, – соревнование должно быть честным. Только шагом».

И тут произошло событие, которое открыло нам еще одну сторону господина Тироша. Мы были юношами и девушками в общем-то натренированными в ходьбе, и все же не могли догнать учителя, несмотря на отчаянные усилия. Нечто сатанинское скрывалось в его ходьбе. Он не столько шагал, сколько, плыл удивительно широкими шагами в постоянном ритме, который вовсе не изменялся на подъеме. Отсутствие напряжения отличало эту ходьбу, и это сердило нас, у которых жилы вздулись от усилий, и дыхание хрипело, подобно мехам гармоники. Расстояние между учителем и нами не сократилось ни на йоту. Казалось, он и не замечал наши, я бы сказал, злые намерения его догнать, и не видел необходимости изменить ритм своего движения. Он исчез за последним изгибом дороги к крепости, возник опять и затем погрузился в глубь развалин, пока не обнаружился на высоте, под огромной каменной аркой, господствующей над всей округой. Там он ожидал нас, разглядывая карту, которую извлек из серого своего рюкзака.

Один за другим мы подходили к нему, обливаясь потом. Сначала Аарон, за ним Яир и Дан, выбиваясь из последних сил, а за ними – все остальные. Он глядел на нас, с высоты, без малейшего выражения победы, и именно потому мы не могли смотреть на него без стыда, понимая, что он даже не ощутил овладевшего нами чувства соревнования, которое мы проиграли. Но преподаватель физкультуры не принадлежал к людям, которые так просто отнесутся к делу соревнования и не провозгласят имя победителя, как это принято на спортивных площадках:

«Первое место – господин Тирош! Доказательство, что взрослые не отстают от молодых! Ура!» Он хлопнул в ладони, но тут же оборвал аплодисменты, увидев наши рассерженные взгляды.

Господин Тирош не обратил внимания на первое место, которого удостоился, и после нескольких минут отдыха попросил нас вернуться во времени на семьсот лет назад и ощутить себя крестоносцами.

«Посмотрите на ландшафт и на события с точки зрения крестоносцев. Мы находимся в начале тринадцатого столетия. Самой важной опорой для нас является Акко. Это порт, через который мы получаем вооружение и подкрепление в живой силе. Важно обеспечить этому порту безопасность, для чего все его окружение, подступы и дороги, должны находиться в наших руках. Один из таких проходов туда – долина Курейн, под нами. Вывод следует сам собой: нам необходимо построить здесь крепость, господствующую над округой, защищающую дорогу и являющуюся наблюдательным постом»

Вместе с ним мы рассматривали огромную гористую страну, русла и ущелья, ее рассекающие. Мы следили за его рукой, обводящей круг в пространстве, указывающей на исторические места и называющих их по имени. И внезапно возникло в нас чувство, что рука эта –

рука властителя, этих просторов. Он словно бы управлял каждой складкой скал, каждым хребтом, по праву авторитета, исходящего от самого его характера. Он произносил названия, он выглядел повелителем, и хозяином, обладающим купчей на пространство, как на собственное недвижимое имущество, записанное движением его руки и бесстрашием взгляда. Я вглядывался в лица товарищей и видел, что та же мысль владела ими. Все вслушивались в его слова, но слово «вслушивание» не было достаточным, чтобы выразить наши чувства. Это было немое обожание молодежи нового вождя, подчинение которому большинством одноклассников принималось добровольно, по личному выбору. Меньшей же части из нас, ну, совсем малой, это воспринималось, как начало нового периода. Мы еще не знали, во что это выльется в будущем, но чувствовали, что проклюнулись первые ростки чего-то более серьезного, чем просто отношения между учениками и учителем.

Обойдя все развалины крепости, мы сели поесть. Напряжение от разницы в положении учеников и учителя, ушло и сменилось ощущением единства, сплочения пройденным вместе путем. Учитель физкультуры, который устал от всех этих, не называемых в присутствии господина Тироша, «теорий», обрадовался возможности дружеского разговора, не требующего подготовки.

«Кстати, откуда у вас такой опыт ходьбы?» – обратился он к коллеге.

«Я был членом немецкого молодежного движения, и мы исходили там всю округу вдоль и поперек».

Сказано это было вскользь и, естественно породило желание узнать больше о прошлом господина Тироша, задавать вопросы. Но мы чувствовали, что это не очень понравится нашему учителю, и оставили на будущее, пока у него самого не возникнет желание рассказать нам. А прошлое проглядывало даже в его особой спортивной обуви на толстой подошве, каких в стране в те дни не было, в походной котомке, более удобной и усовершенствованной по сравнению с нашими рюкзаками. Все это, в приложении к другим практичным вещам, которые были столь естественными в его руках и отсутствовали у нас, несли в себе намеки того немецкого мира, в котором он жил до появления в стране. Ребята не сводили глаз от его складывающейся посуды для еды, от перочинного ножа со множеством лезвий, от толстых шерстяных носков, оценивая всю их практичность в походах. Девушки же обратили внимание совсем на другие вещи, к примеру, на разный подбор цветов его одежды в классе и в поле, на то, как он следил за внешним своим видом. В продолжение экскурсии, когда мы медленно поднимались от развалин крепости к ближайшему селу, я ловил обрывки разговоров между ними. Главным образом, обсуждался вопрос о том, что он холост, и это не обычно в его возрасте, и предполагались причины этого. Поднимался широкий спектр женского воображения, в котором наивное любопытство и связанные с этим сплетни сливались воедино, начиная от варианта романтической истории его верности памяти любимой, которая ушла в мир иной, и, кончая жестоким и злонамеренным бегством от любимой сюда, в Израиль, чтобы здесь продолжать карьеру Дон-Жуана. Над этим предположением несколько девиц начало громко хохотать, в то время как Айя, за которой я все время следил со стороны, и рта не раскрыла, относясь ко всем этим разговорам, я бы сказал, с демонстративным равнодушием. Тогда я отнес это к наивной чистоте ее души, и был невероятно этому рад.

Глава четвертая

1

Сегодня я знаю, почему Габриэль придавал такое большое значение опыту крестоносцев в этих местах и вел нас в Джидин, в Каукаб-Аль-Ава, в Акко и другие места, чтобы показать нам развалины того периода. Тогда же мне это виделось немного странным. Касаясь этой темы, в прежних классах, учителя подчеркивали лишь катастрофу ашкеназских общин, страдавших от полчищ крестоносцев. Габриэль не задерживался на немецкой земле, называемой на древнееврейском языке – стране Ашкеназ. Он сразу же прибыл с воинством крестоносцев к восточным берегам Средиземного моря так же быстро, как и ходил по горам. Он словно хотел нам этим сообщить, что не в Европе, а на Востоке следует искать истинные результаты и выводы из трагедии крестоносцев, ее влияние на судьбу народа Израиля.

Только мы успели сбросить груз впечатлений и попытаться отдохнуть, как тут же нам представилась возможность ощутить разницу между обычным походом и учебной экскурсией. Каждому ученику было дано задание написать сочинение на тему, связанную с тем, что мы увидели и узнали. Начали мы лихорадочно искать дополнительный материал, рыться на книжных полках библиотек, и каждый старался обогнать остальных в поиске новых сведений. Мне досталась тема «Стратегическое положение крепостей-замков крестоносцев Монфор и Бельвуар». Другим же достались темы «Архитектонические особенности крепостей крестоносцев», «Как произошло решительное поражение крестоносцев у Хиттина», «Порт Акко сдается последним». На долю Айи выпало подвести общий итог темы «Причины поражения крестоносцев», и это помогло мне сыграть роль ее помощника в момент, когда она морщила лоб в поисках материала в библиотеке. Забыл сказать, что я считался среди учеников одним из лучших знатоков истории.

Господин Тирош назначал каждому время для консультаций. И мы приходили к нему в учительскую в послеобеденное время. Рассказывали о том, как продвигается наша работа, и жаловались на трудности, с которыми при этом сталкивались. Теперь-то я улыбаюсь, вспоминая факт, который тогда мне казался совершенно случайным. Я был включен в совет, в который входили кроме меня Аарон, Дан, Яир и Айя. Теперь-то я знаю, что соединил нас Габриэль с заранее намеченной целью. Через несколько недель мы поняли, что выбраны не только для того, чтобы советоваться и советовать по поводу учебного предмета истории, но и для другой цели, более важной. Но в момент, когда мы расселись вокруг большого стола учительской, покрытого зеленым сукном, мы ни о чем не подозревали и разглядывали исписанные им листы с наивностью малых детей. Позднее мы уже привыкли к этому качеству Габриэля растягивать некий процесс и события так, чтобы они разворачивались в естественной, насколько это возможно, форме, без столкновений и трений. Более всего он любил это гладкое, без сучка и задоринки, движение дел, совершающихся по хорошо продуманному плану. Называл он это «Эстетическим принципом свободного развития потока событий». Сегодня мы называем это слишком просто – планирование.

«Итак, – спрашивал он, – чем порадуете?» И мы один за другим рассказывали о том, как развивается та или иная тема. У меня, к примеру, были сомнения по поводу верности стратегического выбора места строителями Бельвуара и Монфора, и я спросил его, могу ли в своем сочинении выразить это сомнение. «Конечно же, конечно, – ответил он, – есть у тебя право, если ты хочешь видеть себя на каком-либо командном пункте крестоносцев выступающим против плана строительства и приводящим при этом решительные доводы».

Мы уже заметили, что господин Тирош старается развить в нас ощущение, что мы мыслим, как крестоносцы. Мы полагали, что это проистекает из его системы обучения, и только позднее поняли истинный смысл.

Вначале я не желал видеть себя одним из крестоносцев, принадлежать даже в воображении к тем, кто устраивал еврейские погромы в Майнце и резал евреев Иерусалима.

Но, увлекаясь учебой, я так проникся интересами носителей креста, что не единожды ловил себя на том, что восхищался их мужеством и мудростью, и огорчался их слабостью и поражением. Помню, как потряс меня рассказ господина Тироша о дерзком до удивления воинском походе Рино из Шатийона (Эйлата) на юг, в сторону Тростникового моря и Хиджаза. Воспламененным воображением я следил за караванами верблюдов, на горбах которых он перевозил части кораблей в Эйлат, чтобы там, заново их собрав, выйти в море. Я сопровождал флот крестоносцев на штурм Эйдава и Раважа, скакал веОрхом на приступ Медины, и все это безумие, растянувшееся на огромные пространства моря и суши, до того вошло мне в кровь, что я по-настоящему переживал их горький конец, когда они были разбиты и уничтожены в песках Хиджаза. Такое же наблюдалось у моих товарищей. И спустя много лет, когда Яир прокладывал путь на джипе подразделения разведки машинам и бронетранспортерам Девятого полка, который двигался по берегу Тростникового, ныне Красного, моря, в прорыве, сочетающем в себе дерзость с авантюризмом, рассказ Габриэля мерцал в его сознании, и бурлил в крови, днем и ночью.

2

Пришел черед Дана – задать вопрос, который открыл новую главу в наших отношениях с господином Тирошем. Тема Дана называлась «Внешняя политика крестоносцев», и в процессе изучения материала он был явно обескуражен возникшим в нем желанием сравнить тот период с нашим. «Стоит ли сравнивать, – спрашивал он, – отношения между арабами и крестоносцами с отношениями между арабами и нынешним еврейским анклавом?»

Бывают мгновения, подобные водоразделу, проходящему по высокому хребту настоящего, между морем прошлого и морем будущего. И мгновение это пришло в душу Габриэля. Я чувствовал внутреннюю бурю, которая сопровождала ясное и четкое отклонение линии водораздела от места, где сливаются и вливаются все ручьи лишь в море будущего. До этого мгновения он был учителем. С этого мгновения в будущем он будет для нас чем-то гораздо большим, чем учитель, но определить, кем он будет, я еще не мог. Казалось, он преследовал заданный Даном вопрос, как хищник преследует свою жертву, вглядывался в него сверкающими глазами, прежде чем наброситься на него.

«Спрашиваешь, стоит ли сравнивать?» – обратился он к Дану почти шепотом, в котором ощущалось ворчание хищника перед броском. Замолк на секунду, словно бы изучая то, на что собирался наброситься, и внезапно воскликнул стремительным, напористым голосом:

«Да ведь мы обязаны сравнивать! Мы должны извлечь уроки, если не хотим вернуться к ошибкам, которые привели их к поражению и уничтожению! Важно, чтобы мы сумели освоиться в этих местах, собрать по крупицам силу, способную действовать в нашу пользу, использовать любой конфликт между нашими врагами намного лучше, чем это делали крестоносцы».

Это вырвалось внезапно и спонтанно из уст Габриэля и потрясло нас, ибо обычно он всегда разговаривал с нами сдержанно. И все же это не было для нас совсем неожиданным. Даже в голосе его на уроках можно было различить едва скрываемое напряжение, которое впервые перед нами вырвалось в это мгновение. Дан выглядел смущенным, но тут же успокоился, услышав, как голос Габриэля быстро вернулся на низкие педагогические октавы.

«Следует выяснить, с какой целью вообще вы учите историю. Если кому-нибудь необходима оценка в аттестате, и он не жалеет ни дня, ни ночи, чтобы оценка эта была высокой, мне его жаль. Цель моя при обучении иная. Я хочу, чтобы мои ученики поняли, что происходит вокруг них, и действовали на основании правильного определения ситуации. Они не смогут этого сделать без знания прошлого, другими словами, без понимания закономерностей, приводящих к историческим событиям».

«Существует ли вообще такая закономерность?» – спросил я.

«Да, – отрезал Габриэль, – Хотя и бытует мнение, что история это хаос различных желаний и волей, которые то сталкиваются, то соединяются в случайную цепочку. Я же различаю закономерность в этом хаосе. Одинаковые ситуации приводят к одинаковым результатам, одинаковые условия порождают почти всегда те же события».

Последние его слова не очень были нам понятны, и он это ощутил.

«Вернемся к нашим крестоносцам. Главной их проблемой было неумение выстоять с помощью их качественного преимущества против окружения, у которого было явное количественное преимущество. Разве это вам ничего не напоминает?»

Мы улыбались, ибо тотчас поняли его намек.

«Потому и ясно, что причины их поражения при решении этой проблемы могут быть и причинами нашего поражения».

«Тут вы касаетесь моей проблемы», – сказала Айя.

«Да. И вообще нашего существования здесь. Сможем ли мы выстоять на этой полосе земли восточного Средиземноморья, или станем таким же мимолетным эпизодом, подобно крестоносцам? В этом вся проблема. Все остальное – суета сует».

Сидели мы и молчали какое-то время, чтобы заново привести в порядок наши мысли, которые разбежались во все стороны от шока поразивших всех нас слов учителя.

Помню, что я вовсе не легко сдался в плен угрозам будущего, начертанным перед нами господином Тирошем. Все еще виделись мне крепости крестоносцев как сказочные замки, которые не имели ничего общего с нашей реальностью. В глубине сердца я восставал против подхода, обращающего поэтический флёр истории в реальную политику. И я не видел в походах рыцарей-крестоносцев, закованных в латы вместе со своими конями, нечто похожее на будущую борьбу, которая предстоит мне и моим товарищам. Но в моем противостоянии я старался воздержаться от сентиментальности читателя, возмущенного тем, что страницы читаемого и, в общем-то, почитаемого им средневековья становятся политическим текстом, и старался подбирать доводы, которые в глазах Габриэля могли считаться в стиле – бей врага его же оружием.

«В ситуации, создавшейся между крестоносцами и арабским миром, отсутствует третий фактор, английский», – набравшись смелости, начал я, – а в наши дни именно этот фактор является решающим на весах истории нашего региона».

«Раньше или позже английский фактор уберется отсюда, – уверенно отвечал мне Габриэль, – уберется быстро в тот момент, когда его присутствие здесь станет невыгодным. В конце концов, англичане покинут этот район, и оставит нас и арабов решать спор».

«А если они не захотят уйти?»

«Мы должны будем их убедить, что им лучше всего убраться отсюда».

Тут и ребята начали понимать, о чем идет речь, переходя из области предположений в область действий.

«Вы хотите сказать, что нам надо силой изгнать их отсюда?» – без обиняков спросил Дан.

«Не вижу никакого иного пути. Проблему надо упростить изгнанием третьего фактора. Вы же знаете, решая уравнение с тремя неизвестными, надо перевести его в уравнение с двумя неизвестными».

«Мне кажется, – сказал я, – что вы решаете изгнать самый трудный и сильный фактор».

И тогда он произнес те слова, которые еще долго звучали в моих ушах, когда я увидел колонны британских войск, покидающих Иерусалим и оставляющих поле боя нам и арабам.

«Ты ошибаешься. Англичане уйдут отсюда с гораздо большей легкостью, чем ты или арабский феллах. Англичанин возвращается домой, а твой дом и дом феллаха здесь. И вырвать тебя и его отсюда можно только с корнем или срезав под корень. Вопрос – кто кого вырвет? Помни, что крестьянин-феллах на Ближнем Востоке может обернуться Салах-А-Дином».

Тут возбудился Яир со своим социалистическим пониманием братства пролетариев обоих народов.

«Разве это необходимость – вырывать друг друга с корнем? Разве мы не сможем жить рядом в мире?»

В этот момент господин Тирош посмотрел на часы.

«Эти вещи требуют долгого объяснения, но все же коротко отвечу. Любое столкновение, драка необходимы, чтобы возбудить искреннее желание мира. Настоящий мир дорог тому, который отчаялся достичь своей цели иным путем. Мы же и арабы еще не дошли до отчаяния».

Он замолк на минуту, затем добавил:

«Но я должен признать, что твой вопрос повис в воздухе из-за короткого, недостаточного ответа. Но времени у нас мало. И мы еще должны разобраться в деле Аيي, Дана и Аарона».

Я увидел, что горячий блеск в ее глазах внезапно погас, и казалось мне, что они подобны раскаленным головешкам, которые залили водой.

«Можно ли назначить другое время для продолжения беседы?» – явно колеблясь, спросила она.

Аарон и Дан горячо поддержали ее просьбу, говоря, что урок, полученный нами сейчас, намного интересней всех остальных школьных уроков.

Яир же, припомнив субботние собрания в его клубе, ухватился за новую идею:

«Можно ли вас пригласить прочесть у нас лекцию на тему, которую мы сейчас обсуждали?»

«Нет. Все, что было здесь сказано, не предназначено для многих ушей, а лишь для самого узкого круга».

Он блеснул на нас зелеными своими глазами, и мы вдруг поняли, что мы, именно мы избраны в этот самый узкий круг. Гордость перехватила наше дыхание. Я же кроме гордости ощущал непонятный, но явный страх, который позднее становился агрессивным, когда я знал, что нельзя избежать определенного развития событий. Например, гибели героя романа, страницы которого вели его к смерти с железной неизбежностью, или ловли уличных собак, когда я видел ловца, появляющегося со своей петлей на палке и клеткой на нашей улице. Я чувствовал себя этим псом и даже жаждал быть преследуемым презренным ловцом.

Глава пятая

1

Мы встречались с ним, примерно, раз в неделю. Сначала в учительской, а затем на его квартире в квартале Бейт-Израэль. Никогда он не просил нас держать в тайне эти встречи, но факт, даже в мысли каждого из нас не было кому-то об этом рассказывать. Слишком большое удовольствие мы получали от этих встреч, чтобы еще делиться с кем-то. Мы хранили для себя и только для себя сладость этой тайны, как ребенок хранит в каком-нибудь укромном уголке конфету, вкус которой подобен вкусу рая. Без того, чтобы мы это ощущали, над нашими встречами витала атмосфера, устанавливающаяся между заговорщиками, но заговор этот не был опасным. Все, что мы делали, было продолжением той первой беседы в учительской. Мы заходили далеко в обсуждении тем, к которым наши взрослеющие души льнули с юношеской горячностью, вбирая из них, как губка, все, что можно вобрать. Мозг взрослого, с которым мы соприкоснулись, выковывал юношеское мышление своей ясной и решительной логикой. Стиль разговора господина Тироша напоминал нам развитие математического процесса. Он и пользовался чаще всего понятиями из алгебры и геометрии, и нередко казался нам математиком, занимающимся исследованием истории. Мы не встречали такого стиля ни у других наших учителей, которые пользовались возвышенной патетикой, поставляемой им в избытке книгами на иврите, ни у вожатых молодежных движений. Эти вдохновенно вещали о вещах, которые им самим были недостаточно ясны.

Сегодня, когда я прохожу вдоль границы, вблизи ворот Мандельбаума, я стараюсь не смотреть в сторону разрушенного здания на нейтральной полосе, внутри которого находится квартира Габриэля, где происходили наши встречи. Остался от этой квартиры на втором этаже балкон, висящий наискось, сквозь который торчат железные прутья арматуры. С этого балкона мы наблюдали за мечетью, возвышающейся по другую сторону шоссе, ведущего на север. Мечеть все так же возвышается и шоссе все так же ведет на север, только другие люди и машины движутся по нему. И все же, в принципе, дух этого района не изменился. Как и в те дни, можно слышать пение кантора, смешивающееся с пением муэдзина, доносящимся из мечети. Как-то на наш вопрос, почему он выбрал для проживания этот заброшенный район, Габриэль ответил, что он ему нравится своей религиозной атмосферой, которую можно вдыхать вместе с кислородом, ну и немного верой. Люди в Бейт-Израэль и в Вади-Джоз во что-то верят. Это не его, Габриэля, вера, но она ему симпатичней веры жителей Рехавии. Затем указал рукой на гору Наблюдателей, назвав и ее религиозной. Мне так хотелось его спросить в ту минуту: какова ваша вера? Но я побоялся вторгнуться в его душу таким, я бы сказал, слишком прямым вопросом.

Квартира его была тихой, изолированной от гомона улицы и шума соседей, она понравилась Габриэлю еще и тем, что соседняя квартира не была заселена. Хозяева уехали и оставили ключи жильцам с первого этажа, на котором проживало всего две семьи стариков, Шульманы и Розенбиты, дети которых выросли, покинули родительские гнезда и очень редко навещались сюда. Над этим забытым стариковским жильем, и находилась почти конспиративная квартира Габриэля, и два этих как бы противоположных быта не мешали друг другу вести свою жизнь. Когда мы впервые там появились, нарушилось на какое-то время равновесие тишины и одиночества, обернувшись повышенным вниманием стариковских пар, которые дышали свежим воздухом во дворе. Но и это внимание постепенно ослабело после того, как они привыкли к нам, приходившим в одном и том же неизменном составе. Габриэлю не было трудно их успо-

коить, главным образом, объяснив присутствие Айи в мужской компании. Соседом он был непритязательным, и потому они вполне удовлетвоались его объяснением.

Первое впечатление при входе в его квартиру произвел на нас набор неожиданных вещей, составляющий необычное зрелище, и букет запахов. Нет вообще квартиры, не обладающей своим особым запахом. Жилье Габриэля в квартале Бейт-Израэль отличалось смешанным запахом одеколона и крепкого табака для курительной трубки, осязание которых сразу рисовало передо мной его облик. Так я впервые познакомился с ароматом табака «африкандер», которым было пропитано пространство квартиры, ибо Габриэль не выходил курить на балкон. Зрелище же составляло множество книг, восточная мебель, главным образом, огромное блюдо из меди на скамеечке, используемой вместо стола, еще несколько таких скамеечек и кожаные набивные подушки вместо стульев. Два ковра, один под скамеечками, другой на широкой низкой тахте, были также восточной работы. На большом рабочем столе в углу я увидел трубку, присутствие которой донесли до моих ноздрей запахи. В другом же углу комнаты стоял медный расписной сосуд для курения кальяна, то ли действующий, то ли лишь для украшения, то ли для обеих целей.

Каждый из нас нашел в этой квартире то, к чему был расположен. Если моя душа тянулась к предметам мимолетным и стилю, в котором душа хозяина выражает свой характер, товарищей моих привлекал большой полевой бинокль, висящий на стене. Айе не давал покоя портрет девушки в рамке на столе, рядом с портретом двух стариков. Легко было определить, что это родители Габриэля. Касательно портрета девушки, предполагались разные версии, и так как я накопил опыт по изучению меняющегося выражения лица Айи, то понял, что она про себя перебирает эти версии. Но в те дни я относил все это за счет обычного женского любопытства.

2

Габриэль обладал особым талантом вгрызаться, можно сказать, в горло проблемы, разбирая ее до мельчайшей детали. Юношеская романтика не раз умело вела нас в обход зачастую мрачной и угрожающей реальности, подавая нам решения в розовом свете. Габриэль же не давал нам покоя, силой поворачивая лицом к истинной реальности.

«Вы тревожитесь в отношении арабов, – сказал ему как-то Яир, – однако же, с 1929 года они ведут себя мирно и получают большую выгоду от развития еврейского анклава. Зачем же им выступать против нас, если они видят, что наше присутствие здесь приносит им пользу?»

«То, что произошло в 1929, вернется в будущем во много раз сильнее, ибо главная проблема не в том, кто от кого извлечет пользу, а в том, кто будет властвовать на этой земле. Даже самый невежественный из феллахов, в конце концов, поймет, что речь идет о власти над Палестиной, а не о добавочной прибыли, получаемой им от продажи яиц и овощей еврейскому анклаву, который увеличивается и усиливается на глазах».

«Но земля эта должна питать и поддерживать жизнь двух народов».

«Вопрос не в том, сколько народов она должна питать. Оставь эти расчеты экономистам. Но согласишься ли ты жить под властью парламента, в котором большинство будет принадлежать арабам? Конечно же, нет. Так и они не согласятся с властью парламента, в котором еврейское большинство. Вопрос в том, кто здесь будет решающей силой. Немало арабов считает, и, в общем-то, справедливо, что мы можем со временем дойти здесь до такой мощи, которая позволит нам владеть страной. Это мнение не смогут изменить никакие цифры нашей помощи им в борьбе с трахомой и в обучении нашим способам труда».

«Вы представляете все это так, что столкновение между нами неминуемо».

«Так оно и есть. Тот, кто пытается нарисовать перед вами будущее, как добрососедство с арабами, жизнь в мире и обоюдном экономическом процветании, в лучшем случае ошибается, в худшем – водит вас за нос. В течение десяти-двадцати ближайших лет будут заниматься одной единственной проблемой: кто будет властвовать в стране. И будут они заниматься этой проблемой не за круглым столом, а в открытом поле, вцепившись в него всеми силами своих ногтей».

Тут в моем воображении возник план, казавшийся мне более обширным, чем царапание и укусы соседствующего с нами народа.

«Почему бы нам не объединиться с арабами, чтобы выгнать англичан? Ведь этого желаем и мы, и они более чем проливать кровь друг друга в пользу третьей стороны?»

Габриэль улыбался, набивал свою трубку табаком, и, казалось, в душе не отвергал полностью моих слов, а я косился на Айю, пытаясь уловить на ее лице, произвел ли на нее впечатление мой вопрос. Но она не сводила глаз со спички, горящей в пальцах Габриэля над трубкой. Ароматный дым синими кольцами вился в воздухе, и снова она не прислушивалась к беседе, а странно улыбалась каким-то внутренним, то ли мыслям, то ли чувствам, следя за кольцами дыма. Я понял, что трубка захватила ее внимание, которое, казалось, предназначено мне, в то время как он отнесся с явным вниманием к моим словам, блеснув на меня зелеными своими глазами поверх дымовой завесы.

«Идея союза с арабами, и признаю, что в ней есть нечто притягательное, ибо «двое лучше, чем один», страдает одним небольшим недостатком».

Когда Габриэль употреблял выражение «небольшой недостаток», ясно было, что речь идет о недостатке большом и решающем. И тут уже ослабевшее мое внимание вспыхнуло с новой силой.

«Недостаток в том, – продолжал он, – что мы зависим от их желания вступить в такой союз. Но все говорит о том, что нет у них такого желания. Он не поймут этого, ибо такой союз

полагает дележ трофеев между союзниками после ухода британцев. А это именно то, чего они не хотят. Видели ли вы когда-нибудь их демонстрации у мечети Наби Муса, то есть, по сути, пророка Моисея, которого они считают своим?

Выяснилось, что не видели.

«Как же так? Ведь вы достаточно взрослые, чтобы видеть не только карнавал в Пурим или походы в Ту Би-Шват...»

Мы сидели, опустив головы.

«Итак, те, кто слышал скандирования арабов у Наби Муса, знает каковы у них намерения. Имеющий уши, да услышит: «Палестина наша, а евреи наши псы» или «Суд Мухаммеда – меч!»

«Вы знаете арабский? – спросил явно изумленный Ааон.

«Так, немного».

«Ну, и как же нам защищаться от меча Мухаммеда?»

«Вот, – мгновенно и резко отреагировал Габриэль, – в твоём вопросе и заключена наша слабость. Ибо, главное, не ограничиваться оборонительной позицией. Необходима позиция атакующая, причем, в любой момент, когда это возможно. Судьба этой страны решится не в обороне, а в наступлении».

«Доктор Розенблум испугался бы, услышав эти слова», – неожиданно словно бы пробудилась из какой-то бесчувственности Айя, – доктор Розенблум полагает, что только Еврейский Национальный фонд освободит эту землю».

Она произнесла это медленно, и как-то беспомощно, как человек, который уже ни в чем не уверен.

«Потому я и не говорю этого доктору Розенблему и таким, как он, а лишь в самом узком кругу», – сказал Габриэль.

Он сжал губы на слове «узкий» и оглядел всех нас пристальным, изучающим взглядом. Это был первый раз, когда он четко отделил себя от всех остальных учителей, и видно было, что это ему дается нелегко.

С почти болезненной пристрастностью следя за лицом Айи, я вдруг заметил, что бледность разлилась по ее щекам и лбу. Она вышла на балкон. Остальные продолжали беседу. Я оказался рядом с ней.

«Что случилось?»

«Не знаю... Все здесь слишком остро... этот резкий запах табака... И все эти разговоры... Я почувствовала себя плохо. Каково твое мнение о господине Тироше?»

«Человек интересный».

«Интересный и опасный. Разве не так?»

«Не знаю».

«А кто она, эта девушка, по-твоему?»

«Какая девушка?»

«На портрете, который стоит на его столе?»

«А, да. Не знаю».

На миг я ощутил себя человеком, от которого нет никакой пользы. Из комнаты доходили до нас голоса беседующих. Яир спрашивал Габриэля, имеет ли он что-либо против Еврейского Национального фонда. Нет – отвечал тот, пока можно за деньги приобретать землю. Но дни таких покупок по договорам и купчим сочтены. И голубая коробочка фонда для сбора денег – средство временное и ограниченное.

«Но разве богатые арабские землевладельцы не обогащаются еще больше? Зачем им-то отказываться от этого?»

«Опять ты не понимаешь, что польза играет роль до определенного предела. Араб уже не столь наивен, чтобы не понимать, что скрывается за передачей земли от одного населения другому. Точно так же, как и мы, он понимает, что это не чисто торговая сделка, и окончатель-

ная цель покупки – овладеть большей частью земель страны. Беспечным этим покупкам скоро придет конец. Страна эта не будет освобождена куплей-продажей. И тот, кто видит обретение этой страны посредством голубой коробочки, явно погружен в голубые мечты. Жаль только, что массы молодежи все еще витают в этих мечтах».

«Может быть, эта девушка его сестра?» – спрашивает меня Айя на балконе. – Кажется, они очень похожи друг на друга».

«Какая девушка?» – спрашиваю рассеянно, ибо прислушиваюсь к разговору в комнате.

«Что с тобой? Ну, эта, на портрете».

«Может быть».

Тут вдруг усиливается голос Габриэля, очевидно, реагирующего на какое-то замечание Яира, которое я пропустил мимо ушей.

«Я вовсе не насмехаюсь над лозунгом «дунам – здесь, дунам – там». Но эти дунамы еще не вся страна. Настоящий и окончательный захват этих земель произойдет без договоров и купли-продажи. Это я тебе гарантирую! После идиллии передачи купчей на землю придет настоящая драма!»

Глава шестая

1

Те, кто думал, что Айя увлечена мной, ошибались. Вообще в каждом классе можно найти парня, которому девушки открывают свои самые сокровенные тайны, при этом не испытывая к нему никаких нежных чувств. Он просто служит для них исповедником или советчиком, и сам факт, что они не стыдятся и не сдерживаются поведать ему сердечные секреты, говорит о том, что между ними и этим парнем нет и намека на взаимную любовь, которую они хранят для другого, а его избирают, чтобы излить душу. Они даже не догадываются, что творится в душе такого парня. Именно такова была ситуация между Айей и мной. Обречен я был выслушивать ее любовные тайны, в то время как сердце мое было полно любви к ней. Не знаю, почему для своих исповедей она выбрала именно меня. Есть люди, талант которых выслушивать других, приближает к ним окружающих, жаждущих этого внимания. Вероятно, я и обладал таким талантом.

С первых дней учебы седьмой класс был погружен в разрешение трудной дилеммы: кому принадлежит сердце Айи – Аарону или Дану? Стрелка весов, нагруженных всевозможными догадками, предположениями, сплетнями склонялась то сторону одного, то в сторону другого, но не один из них не произнес хотя бы слово, чтобы поставить в этом деле точку. Иногда казалось, что Айя и двое юношей получают особое удовольствие от смятения, предположений и сплетен, которые вертелись вокруг них. Оба продолжали провожать девушку домой после рабочих встреч в баракке молодежного движения, как два постоянных ее телохранителя. Оба сидели с ней на скамье в гимназическом саду во время перемен, спокойно беседуя, без малейшего признака вражды или соперничества. А ведь именно это пытались уловить беспрерывно следящие за ними одноклассники.

Это были отношения трех руководителей молодежных групп, планирующих совместные мероприятия. И царила между ними уравновешенная дружеская атмосфера, лишенная всякого эротического намека, атмосфера, которая злила соседей по партам, следящих за ними и ожидающих, очевидно, чего-то более интересного, чем негромкое обсуждение будущих маршрутов и умения ставить палатки. Непрекращающиеся попытки подружек вызвать ее на откровенность, Айя резко обрывала.

«Они просто не могут понять, что между парнями и девушками могут существовать чисто дружеские отношения», – говорила она мне, замечая в моем взгляде некоторое сомнение в существовании таких отношений, и возвращаясь к одному и тому же:

«Ну, вот, к примеру, ты и я...»

Где-то, в глубине души, возникала горькая улыбка, но не хватало решимости сказать ей, что она ошибается. Иногда она объясняла мне, для вящего убеждения, что между нею, Даном и Аароном не может быть ничего, кроме дружеских отношений.

«Представь себе, – говорила она, – что в детском саду мы сидим рядом, все втроем. И так мы привыкли друг к другу, что ничего не может быть между нами, кроме дружбы. Как между двумя братьями и сестрой».

Я не возражал против этих объяснений, но при себе оставлял гнетущие подозрения.

2

Сегодня я удивляюсь тем сомнениям, которые таились тогда во мне в отношении истинной дружбы, которая существовала между ними. Я не мог даже предположить, что в душе Аيي могут развиваться вместо любовных – истинно мужские качества. Теперь, через столько лет, когда отдаленное предстает гораздо ясней, чем близкое, видятся мне отношения этой троицы наивными и скромными, какими они и были на самом деле. И это пробуждает во мне волну милосердия. Это были, по сути, рыцарские мужские чувства, в то время как с ее стороны довлело женское чувство тревоги и мелких дневных забот, которым девушка не отдает еще отчета. Это были спартанские отношения молчаливой верности, характерные для боевого братства или каждодневной близости членов одной семьи. Естественным фоном всему этому служило место, где все трое росли, пригород Иерусалима – Эйн-Керем, который в те дни был абсолютно отделен от остальных частей города, погружен в безмолвие, замкнутость и отдаленность, рождающие в сердце жителя склонность к доброму соседству и настоящей дружбе. Дружба эта, являющаяся наследием первых жителей Эйн-Керема, и была наследована их сыновьями и дочерьми. Потому я не могу писать имя «Дан» без того, чтобы ручка не продолжала писать имя «Аарон» и уже готовилась присоединить к ним имя «Айя». Поколение Эйн-Керема, к которому принадлежала троица, отличалось особыми качествами, неизвестными соседним густо заселенным пригородам Иерусалима тех дней. Отцы этого поколения, которые оставили город, чтобы жить на скалистой земле, оставили за собой всю затхлость, безделье, беспомощность и бессилие Старого города Иерусалима. Они создали тяжким трудом своих рук уголок иной, новой жизни, вырастили многочисленные хвойные, лиственные и плодовые деревья, памятуя строку из Священного Писания – «каждый в своем винограднике и под своей смоковницей» – как путь, который забыли поколения жителей Иерусалима, собирающиеся вокруг разрушенных остатков Второго Храма, обучили детей своих держать кирку и мотыгу, разбивать скалы и возводить ограды, сажать и удобрять, выполнять работу по дому и по саду. И выросли там смуглые парни и девушки, ибо росли под открытым солнцем. Они были отменного здоровья – от труда и плодов, растущих возле дома. Они умели управляться с цементом и известью, строить и разрушать – владели ремеслом в отличие от их сверстников, проживающих в переулках Старого города. Родились они и росли в горах, и ходьба по горным тропам укрепляла их мышцы. Лучше других из их поколения они были знакомы с полевыми растениями и животными. Короче, это были парни и девушки, лучше всех подготовленные к походным условиям жизни и работе следопытов. Когда они вступили в различные молодежные движения, тотчас проявились их способности к активным действиям вне города. Когда же пришло время вступать в подполье, они высоко держали марку своего поселения.

Дан и его велосипед были неразлучны. Трудно было найти место, каким бы оно не было крутым или узким, чтобы Дан не одолел его на своем велосипеде. Между ним и велосипедом существовала гармония некоего единства и цельности, которые можно найти лишь в воображении. Когда однажды он появился, после небольшой аварии, без велосипеда, подобен был судье из ТАНАХа богатырю Самсону после того, как его остригли, лишив сил. Обычным зрелищем было видеть его едущим на велосипеде с Аароном, сидящим сзади, обхватившим его руками, Айей, сидящей на раме, и псом Ягуаром, несущимся вприпрыжку рядом. Под сидением был прикреплен портфель с тремя отделениями, набитый до отказа какими-то приборами и инструментами для ремонта, кусками резины, тубиками с клеем, болтами и кусачками. Только среди инструментов и машин он жил полной жизнью. И особенно тянулся к оружию, увлекая этим Аарона. Когда кто-либо, подобный мне, грезил в мечтах своих замками и голубыми озерами, они мечтали о пистолетах, ружьях и автоматах. Любимым занятием Дана было разбирать, к примеру, велосипед до самой малой детали и собирать заново, разбирать все, что попадалось

под руку – замки, часы, сцепления. Не было такого механизма, простого или сложного, чтобы он не разобрал его своими пальцами, алчно ощупывающими каждую деталь. Не раз, желая доставить ему удовольствие, я приносил ему какой-нибудь старый прибор, в котором было больше, чем одна часть. И вовсе не удивительно, что не расстающиеся с оружием при жизни, они не расстались с ним при гибели. Один из них завершил свою жизнь, пытаясь обезвредить мину, другой погиб, прикрывая отступление своей роты. Но вернемся к Дану. Отлично помню хищный нос, горбящийся подо лбом, губы, стискиваемые в окончательном решении, словно бы они говорили себе: так оно и есть, и нет иного пути. Не знаю почему, но кажется мне, уменьшаются среди нашей молодежи лица с такими носами и губами, быть может, потому, что не стоят они перед судьбоносными решениями.

3

Естественно, что Аарона в классе и молодежном движении называли Аралэ. Но кличка эта была забыта после того, как Габриэль выразил свое мнение, что все эти имена, заканчивающиеся на «лэ», не подходят нам и не прибавляют нам уважение. Сказано это было мимоходом, но с того мига кличка Аралэ исчезла из употребления (во всяком случае, в нашем узком кругу) и вернулось в полном произношении и написании ивритское имя – Аарон. Габриэль не знал, что этим замечанием доставил радость отцу Аарона, который был одним из самых фанатичных преподавателей иврита, ненавидел кличку «Аралэ» и расцветал, слыша, как одноклассники сына, приходящие к нему в гости, называют его полным именем – Аарон. Не думаю, что вкусы Габриэля совпадали со вкусами господина Ярдени. Полагаю, что неприязнь Габриэля к приставке «лэ» проистекала не из желания чистоты языка, а из желания избавить взрослых от ребяческих сюсюканий и мягкотелости.

Господин Ярдени был выходцем из России, репатриировавшимся с третьей волной алии. Женился на девушке из уважаемой сефардской семьи. От нее Аарон взял оливковый цвет кожи, легкую походку, унаследованную от нее сыновьями, и далее, из поколения в поколение. Этот аристократизм соединился в нем с народной простотой хасидов, обретенной от отца, широкоплечего и щедрого сердцем. И смесь эта была удивительной в своем роде. Не встречал я другого юношу, так владеющего одновременно языками идиш и ладино, которые он выучил у своих дедов и бабок. С помощью деда-сефарда учил арабский, и некоторое знание русского получил, прислушиваясь к разговорам отца с его родителями. Знание всех этих языков не отнимало ничего от господствующего в доме иврита. Господин Ярдени разговаривал с женой на иврите. На этом языке они познакомились друг с другом и писали друг другу первые любовные письма.

Вооруженный знанием языков и открытый сердцем любому чуду и любому чужеземцу, выходил Аарон на улицы Иерусалима, влюбляясь в разные этнические группы, в их расцветенный традициями образ жизни. Глаза его, жадные до новых впечатлений, как говорится, поставлены были на неутомимые ноги, которые не уставали добираться до конца любой улицы или переулка, пока не вышел он за пределы города и двинулся по проселочным дорогам, ведущим к арабским деревням, где мог отлично использовать свое знание арабского языка. Так получилось, что Аарон знал Иерусалим во всех его обликах более любого юноши, с которым я был знаком. Посещал он церкви и монастыри, вел разговоры с русским монахом и пастухом стада, жаждал новых мест, так, что ноги доводили его до Оалей-Кидар в Иудейской пустыне. В Дане, красная крыша дома которого возвышалась недалеко от сосен, за которыми краснела крыша дома Аарона, он нашел сердечного друга. Участвовал во всех его юношеских делах, во всем том, что порождает истинную дружбу. И тут нашлась в их квартале девушка, которая настаивала на равноправии. Юноши поначалу сопротивлялись, но со временем к ней привыкли, а после вступления в молодежное движение следопытов увидели в ней полноправную подругу. Прошло немного времени, и они начали видеть в ней клад, который надо охранять и не выпускать из-под покровительства.

Если натереть кожуру каштана медным порошком, получится цвет волос Айи.

Достаточно был одного ореола смутного необычного цвета, чтобы привлечь внимание окружающих. Но было в ней много, пленительного для зрения и сердца. Даже если добавить карий цвет ее глаз, подобных глазам лани, это недостаточно будет, чтобы объяснить вечно толпящихся вокруг нее парней и девичьего завистливого перешептывания, тянущегося за нею шлейфом. Истинная ее притягательность была скрыта в женском обаянии, секрет которого я мог лишь сейчас определить. Это была некое, я бы сказал, тонкое повиновение, добровольная сдача в плен мужской дисциплине, которая вставала перед ней в полную свою силу. Лишь теперь я понял, что умение женщины сдаться мужчине без того, чтобы унижить свою честь,

это одно из самых очаровательных ее качеств. Этим невидимым и неосязаемым повиновением удостаивает она лишь настоящих мужчин, а их-то раз-два, и обчелся. Сдающаяся в плен прекрасно ощущает своими чувствительно подрагивающими ноздрями качества приближающегося к ней мужчины. И свою полную покорность отдаст, как приз, тому, кто в силах ей приказывать, а не как приманку любому проворному ловкачу.

Глава седьмая

1

Дер лерер из ништ ду – «Учителя нет» – сказал на идиш столкнувшийся с нами на пути к Габриэлю господин Розенблит. Договорено было с Габриэлем, что в его отсутствие мы должны ждать в его квартире. Старичок сидел на скамейке в наступающих сумерках, и Аарон что-то ему ответил на идиш. Звуки языка идиш из уст Аарона прозвучали в наших ушах столь странно, что все мы улыбнулись.

«Глядите, как амиго мио говорит на идиш», – сказала Айя. Так она называла Аарона, по-испански – «мой друг».

Яир, который вначале пошучивал, вдруг посерьезнел:

«До чего мы дошли, что молодежь сефардского происхождения начинает говорить на идиш?»

«Что ты нашел плохого в языке идиш?» – спросил Аарон, вспомнив деда-ашкеназа. Трудно было заставить согласиться Аарона с любым мнением, оскорбляющим его близких.

«Я знаю?! Я знаю? – начал кипятиться Яир. – Еще немного, и я от тебя услышу о миллионах евреев, говорящих на этом языке, и о великой литературе, которая на нем создана. Все это известно и мне. И вопреки всему этому, идиш для меня – символ галута, точно так же, как долгополые пиджаки и черные чулки детишек района Бейт-Исраэль».

Аарон не был склонен продолжать спор, как и вообще не любил спорить. Мы расселись на скамеечках в комнате Габриэля. Айя же подошла к рабочему столу, разглядывая все, что было на нем. Яир, который не выпустил из себя накопившуюся энергию спора, повисшего в воздухе, удовлетворился обычным своим занятием, в тысячный раз, показывая нам свое умение. Ловкими движениями пальцев соорудил несколько палаток из листов бумаги, которые всегда носил в карманах. Затем расположил эти палатки буквой «п», таким миниатюрным лагерем. Посреди лагеря воткнул в пустой коробок спичку, имея в виду знамя. После этого поджог одну из палаток, и когда огонь распространился и на другие палатки, Яир закричал: «Пожар в лагере!», и весь спектакль завершился кучкой пепла на полу и обугленной спичкой.

Обычно, после этого начинался спор, сторел ли это лагерь молодежного движения «Следопыты Йоханана», как провозглашал Яир, чтобы поддеть Дана и Аарона, или движения «Лагеря восходящих», как тотчас исправляли его эти двое, задетых за живое.

На этот раз дело завершилось иначе. Когда Яир закричал «Пожар в лагере», и глаза его вспыхнули хищной радостью истинного поджигателя, мы услышали над собой (ведь сидели, склонившись, на полу) голос господина Тироша, который вошел в комнату неслышно и следил за спектаклем.

«И как же ты пробрался в лагерь? Не было там охраны?»

Он спросил это с абсолютной серьезностью, без намека на улыбку, и смущенный Яир беспомощно пробормотал:

«Не было там часовых. Это же игра...»

«Допустим, не было там часовых, хотя это просто недопустимо. Ну, а что с ограждением? Думал ли ты, как его преодолеть? Не вижу в лагере даже признака на ограждение».

«Это же лагерь движения «Лагеря восходящих», – с издевательской усмешкой сказал Дан, – без часовых и без ограждения».

Яир оплатил ему грозным взглядом, собираясь высказаться по поводу «Следопытов Йоханана», но Габриэль не дал даже на миг соскользнуть спору по крутому склону подковырок и острых словечек.

«Где была палатка командования лагеря?» – продолжил он следствие.

«Я не выделял особую палатку командованию».

«И ты не полагаешь, что следует это знать, прежде чем атаковать лагерь?»

Яир не ответил, надеясь, что Габриэль отстанет или начнет относиться ко всему этому, как игре, но надежды его не оправдались. Габриэль продолжал:

«Где оружейная?»

«Но это же лагерь следопытов, а не военный лагерь».

«Я забыл. Мы ведь все еще играем в следопытов и наблюдателей».

Он глядел на нас, как взрослые глядят на малышей, играющих куклами. И все мы почувствовали себя ужасно неловко.

«Ладно. Видели ли вы вообще когда-нибудь военный лагерь?»

Мы рассказали ему о воротах в военный лагерь Алленби по дороге в предместье Иерусалима – Тальпиот, и о звуках горна, доносящихся оттуда. Аарон рассказал о британцах, которые, обнажившись по пояс, делают гимнастику за проволочным ограждением или играют в футбол. Все это были обрывочные впечатления, из которых нельзя было составить цельную картину.

«Не думаете ли вы, что в этой стране, полной военных лагерей, вы знаете о них слишком мало?»

Спустя некоторое время мы уже шагали за Габриэлем вверх по дороге, пересекающей предместье Шейх-Джарах. Северо-восточнее этого предместья, на ровной площадке у подножья холма, располагался военный лагерь британцев, который мы обычно видели издалека в окно автобуса, едущего на гору Наблюдателей – Хар Ацофим, или с поворота, идущей параллельно шоссе проселочной дороги. Одно мы знали, что солдаты лагеря соревнуются в футбол с местными еврейскими командами на большом огороженном стадионе у Бухарского квартала. Они появлялись в красно-зеленых майках и черных толстых носках с белой полоской у колен, и их «свечи», когда мяч улетал высоко в небо, пробуждали зависть и страх в сердцах юношей Иерусалима. Несколько таких ударов уже при входе на поле вызывали у нас беспокойство за судьбу наших игроков. Но ребят из команды «Хасмонеи-Макабби» не очень впечатляли эти прямые, как выстрелы, удары или вертикальные свечи, и они упорно и мужественно боролись, и нередко выигрывали. Был среди них защитник, настоящее чудо. Все атаки британцев разбивались об него, как об железный столб и медную стену. Он, этот защитник, быстроногий, низенького роста да еще центральный нападающий и левый полузащитник видятся мне сегодня личностями легендарными, ведущими древние войны между богами Британии и богами Израиля. Детский страх перед британцами я наследовал, вместе со сверстниками, переживая футбольные бои на «поле Маккавеев». Они двигались с такой гордостью и высокомерием, возвышались своим ростом, что мы среди них ощущали себя какими-то пресмыкающимися, видя такими же наших игроков.

Теперь же, при взгляде с крыши полуразрушенного здания на находящийся рядом лагерь, во мне проснулся тот же страх перед великанами. И, вероятно, господин Тирош поставил себе цель – вывести начисто из нас этот страх перед сильным инородцем-блондином, проживающим в военных палатках и вооруженным винтовкой с примкнутым к ней штыком. И попутно извел из нас страх перед представителем другого народа, уроженца этой страны, смуглого, усатого, с ножом в руках. Но все это происходило намного медленней, чем пишется на бумаге.

2

Началась новая глава в нашей жизни с Габриэлем, глава патрулирования и слежения, затем – военных занятий и, наконец, период засад и нападений. Но меня пугает быстрота приближения к финалу, и это сдерживание дается мне с большим трудом, ибо тянет меня, как магнитом к железной стене, к тем ужасным двум ночам, завершившим все наши дела.

Пока же мы сидим с Габриэлем на крыше полуразрушенного здания, стоящего на подъеме дороги из предместья Шейх-Джарах, и наблюдаем за палатками и бараками воинского лагеря. Место наблюдения, кажется мне, выбрано удачно. Арабский квартал заканчивается за нами. Нет ни людей, ни домов, мешающих нашим наблюдениям ни справа, ни слева, и крыша высока и удалена достаточно, чтобы дать хорошую перспективу. Мы видим забор из колючей проволоки. Ворота. Будку часового и его самого, с винтовкой в руке, спокойно беседующего с другим солдатом. Вглубь лагеря от забора идут прямые дорожки между палатками и бараками. По краям этих дорожек тянутся окрашенные известью камни. На отдельной площадке выстроились рядами воинские машины. То там, то тут выходят из бараков и входят в них люди. Часть из них одета в форму, – длинные брюки и свитера цвета хаки, другая – в долгополые плащ-палатки, скрывающие фигуры. За бараками, частью ими скрытая, чуть видна пустая площадка по краям которой – шеренга деревьев. Все это видно глазу и четко различается. Но есть еще нечто, скрытое, не видимое глазу, и об этом нам рассказывает Габриэль. К примеру, назначение бараков, которые ничем не отличаются друг от друга. Барак начальника лагеря отмечен флагом на флагштоке и большой доской объявлений и приказов, на которую Габриэль обращает наше внимание. От этого барака и к нему движется редкая цепочка людей с различными знаками отличия, разъясняемыми нам Габриэлем. У барака, тарахтя, останавливается военный мотоцикл, и мотоциклист быстро вбегает в барак. К воротам подходит строем взвод во всеоружии и в плащ-палатках, часовой отдает им честь особым образом. Господин Тирош сопровождает эту сцену разъяснениями, не упуская ни одной вещи и ни одного движения этого взвода на границе лагеря, говорит кратко и по делу. К этому мы уже привыкли на уроках.

«Ну, и как ты атакуешь такой лагерь?» – внезапно обращается он к Яиру.

«Чего вдруг мне надо его атаковать?»

«Предположим, выяснится необходимость его атаковать. Что ты будешь делать?»

«И вправду... Не знаю. Думаю, что не смогу», – бормочет Яир явно заплетающимся голосом. – «Там слишком много людей и оружия».

Через несколько лет, в дни Второй мировой войны, я с Аароном оказались на военной службе в Египте. Какое-то время находились в районе огромных воинских складов у Тель-Кабира, видели квадратные километры, заставленные бронетранспортерами и орудиями, горы обойм и пулеметных лент, горизонт, скрытый за тысячами джипов. Помню, как Аарон, который, как и я, был членом подпольной организации «Борцы за свободу Израиля» – «Лоха-мей херут Исраэль», сокращенно ЛЕХи, смотрел на этот грандиозный ландшафт орудий уничтожения, бормотал про себя в полной депрессии. «И ты собираешься воевать с британцами, украв у них один джип и одну пулеметную ленту...». Он горько рассмеялся и махнул безнадежно рукой. Хлопнул я тогда его по плечу: «Помнишь, что сказал Габриэль, когда мы впервые наблюдали за военным лагерем британцев с крыши в Шейх-Джарахе?» Он повернулся ко мне, лицо его просветлело от слов, которые я ему напомнил. Это были слова Габриэля, обращенные к Яиру:

«Смотри, можно одолеть сто вооруженных людей одной единственной гранатой. Не пугайся массы людей и массы оружия. Тебе надо лишь напасть внезапно и в том месте, где они вообще не ожидают. Неожиданное нападение заставляет людей забыть, как снимают предо-

хранитель у винтовки, а внутренний предохранитель заставляет их застыть в страхе. Понял? Необходимо всего лишь ввести их в шок, заставить онеметь».

Были в лексиконе Габриэля определенные слова, при произнесении которых мне, казалось, слышался звук металла. Когда он произносил слова «Шок, застыть, онеметь», это было подобно щелканью затвора.

Вечерело. Из лагеря донеслись звуки горна. В лагере началась суматоха. Из всех палаток и бараков вышли люди с котелками для еды и выстроились очередью у большого барака, являющегося столовой. У входа толпилось множество людей в плащ-палатках, и все говорили одновременно.

«Вот, – продолжил Габриэль свое обращение к Яиру, – представь себе, как несколько гранат летят в толпу, сколько котелков тогда взлетит в воздух».

«Вы их ненавидите, не правда ли?» – это была Айя, весьма редко обращающаяся к Габриэлю.

«Вовсе нет. У меня лишь одно желание, чтобы они убрались отсюда и предоставили нам самим разбираться в деле с нашими двоюродными братьями».

Он улыбнулся и жестом показал, что надо спускаться с крыши.

3

Мы начали выходить с Габриэлем за пределы города, приносиваясь к свежееиспеченному хлебу в печах арабских пекарен. Псы в арабских селах встречали нас неистовым лаем, холодная свежая вода из колодцев в ту дождливую зиму утоляла жажду. Мы и раньше совершали школьные экскурсии вокруг Иерусалима, но нынешние походы отличались от тех, как разведка военного подразделения от детской экскурсии следопытов. Габриэль учил нас основам топографии и умению ориентироваться на местности, прокрадываться в одиночку и продвигаться по вражеской территории. При этом рассказывал об исторических местах, которые вставляли на нашем пути. Именно он, а не господин Карфаген, впервые показал нам, что названия арабских сел вокруг нас происходят от библейских названий древних еврейских поселений. Он всегда носил с собой затрепанный ТАНАХ, читая нам строки оттуда, касающиеся мест или пейзажа, окружающих нас, причем, правильно произнося гортанные буквы «айн» и «хет», чему открыто радовался Аарон. Загадка того, как мог научиться правильному сефардскому произношению молодой наш учитель из Берлина, была еще достаточно легкой в сравнении с другими загадками, которые вились и окутывали его облик и его действия. Мы уже привыкли к этому и не старались даже их разгадывать. Только Яир не уставал удивляться, добавляя иногда к этому наивно выражаемому удивлению и небольшое расследование. Когда мы оказались на меловой горе, севернее Иерусалима, именуемой Тель-Аль-Пол, Габриэль рассказал нам о раскопках, произведенных здесь знаменитым американским библеистом Олбрайтом, который определил, что это, по сути, библейский холм царя Саула – Гиват Шауль, при этом, указывая вдаль на окружающие арабские села, называл их по именам.

«Когда вы репатриировались в страну?» – внезапно задал ему вопрос Яир, не относящийся, казалось бы, к теме.

«Три года назад».

«И всего за три года вы успели выучить иврит, и географию страны, и распорядок в английской армии, и имена арабских сел и...» – Яир сам удивился этому перечислению, и осекся.

«Часть вещей я знал еще там, за границей. И, кроме того, нет никакого чуда в том, что один из нас знает страну и ее врагов. Удивляться бы надо было незнанию всего этого».

Габриэль понизил голос и добавил:

«Страна эта наша. Вот, село Мухмас это наш Махмеш. Аната – наша Анатот, где, кстати, родился пророк Иеремия. А за ними, севернее, множество арабских сел, и все, по сути, наши. До Дамаска и реки Евфрат. Так что это совсем никакое ни чудо – знать свою страну».

Слова его были просты и понятны, так, что какое-то время мы не видели в них ничего удивительного. Но тут же впилося в нас хищными своими клыками отрезвление.

«Но ведь страна эта не пуста», – с неожиданной для самого меня дерзостью сказал я, – вы полагаете, что горстка евреев Иерусалима, Тель-Авива и Хайфы сможет забрать страну из рук ее хозяев, даже если у этой горстки есть историческое право на эту землю?»

«Речь идет не о горстке евреев, а обо всем великом еврейском народе!»

Фразу «великий еврейский народ» Габриэль произносил особым тоном и с особой силой, как тот, кто провозглашает, что в руках его мощное оружие. Остальные наши учителя употребляли это понятие, рисуя великие трагедии и страдания народа. Потому патетика Габриэля не виделась мне отражающей реальность. Я не осмелился сказать ему, что удивительно, как именно он, бежавший из страны, в которой еврейский народ подвергался периодической резне, так верит в силу евреев.

«Вы еще не знаете, на что способны евреи. Народ Израиля потряс основы режимов, которые были во много раз мощнее банд шейхов и эфенди, – царьков, которые властвуют сейчас на

этих землях от Нила до Евфрата. Если мы соберем здесь еврейских революционеров со всех мест рассеяния, а их тысячи, перед их мощью никто не устоит. Даже британцы. Наш народ обладает невероятной силой, говорю я вам, и тут нет никаких преувеличений!»

«Но где он, этот народ, – не сдавался я, – почему он не едет сюда?»

«Вопрос к месту, – признался Габриэль, – но в будущем он вернется. Желая того или не желая. Большими потоками и малыми каплями. А до тех пор придется нам самим сделать часть работы для этого».

«И к этому вы готовите нас?»

Это сказал Дан, который, обычно, редко открывал рот, но уж если что-то произносил, это было неожиданно и весомо.

«Да!» – сказал Габриэль, – сжав губы, словно боясь к этому добавить какие-то ничего не значащие слова.

Воцарилось молчание. В единый миг прояснились некоторые недопонимания, сменившись еще большими неясностями. Такой оказалась, в конечном счете, цель нашей «совещательной группы» по изучению крестовых походов, почти тайком собирающейся в квартире Габриэля. Ведь именно этой цели посвящены были наблюдения за военным лагерем британцев и походы между арабскими селами, по границе между коленом Вениамина и коленом Иегуды. Теперь понятно было, зачем двигались мы между холмами и скалами, пробирались ползком по краю хребта, чтобы даже тени наши не возникали над его краем. Раньше мы знали лишь то, что выбраны в «узкий кружок». Цель его стала нам ясной лишь теперь. Вероятно, все же мы были слишком легковесны и молоды, чтобы почувствовать всю тяжесть ответственности и весомость обязанностей, которые возложил на нас наш учитель. И мы бормотали про себя: «Не слишком ли серьезно это дело для семиклассников?»

Первым пришел в себя и как бы встряхнулся Яир.

«Господин Тирош, – обратился он к Габриэлю низким голосом, – вы же знаете, что существует особая организация, отвечающая за воинскую подготовку молодежи. Никто не делает это в индивидуальном порядке и по своему усмотрению».

Габриэль не торопился с ответом, как бы взвешивая слова, дав Яиру возможность добавить:

«Я имею в виду «Хагану»».

Это слово, сказанное им почти шепотом, разбудило во мне воспоминания детства в ставший знаменитым год тысяча девятьсот двадцать девятый – Тарпат по древнееврейскому календарю. Поздней ночью кто-то постучал в дверь и позвал отца. Мне удалось выскользнуть вслед за ним на улицу, где собралось несколько беседующих мужчин. Меня не столько занимал их разговор, сколько поблескивающая рукоятка пистолета у одного из них за поясом. Эта черная твердая рукоятка притягивала мой взгляд, мысли, стремления души в те летние ночи, разрываемые выстрелами. В свете сообщений о резне в Хевроне и слухах о погроме в Цфате, эта рукоятка служила залогом, что такие страшные события не произойдут в нашем квартале. С тех пор образ «Хаганы» представлялся мне неизвестным мужчиной с пистолетом за поясом. И к желаниям детства добавилось одно главное стремление: вырасти и получить или достать пистолет. В нашем седьмом классе из уст в уста передавался слух о том, что скоро мы вступим в «Хагану», на вопросы об этом восьмиклассники предпочитали набрать в рот воды.

«Не думаю, что наши занятия могут в чем-то помешать делам «Хаганы», – сказал Габриэль, – нет ничего плохого в том, что вы обретете определенный опыт перед вступлением в ее ряды. Наоборот, это поможет вам войти в отборную ее часть».

Я почувствовал, что такая формулировка ослабляет цель, к которой ведет нас наш учитель, и потому спросил:

«Но вы имеете в виду более широкую цель, чем сделать нас лучшими бойцами «Хаганы», не так ли?»

«Цель моя одна: когда придет ваше время взять в руки оружие, вы должны быть к этому готовы».

Для меня это было недостаточно. Требовалось еще какое-то дополнительное объяснение:

«Вы бы хотели, чтобы мы были способны силой оружия добиться тех целей, которые мы обсуждали?»

«Душой и сердцем».

Он был по-настоящему взволнован, и в первый раз мы были свидетелями того, как металлические нотки в его голосе сменились иными звуками, подобными тем, которые извлекают из струн. Именно этим он в единый миг обаял наши сердца, изгнав из них последние крохи сомнений и возражений. Свет зеленых его глаз словно бы разлился, охватив нас всех и замкнув, подобно радужному вееру крыльев, которые складывает и которыми скрадывает павлин отдельные цвета. То, чего он не достиг, обращаясь к нашему уму, достиг сейчас этим эмоциональным обращением к нашим юношеским чувствам верности каждому слову, исходящему из его уст.

Глава восьмая

1

Нельзя сказать, что наши встречи были абсолютно неизвестны остальным ученикам гимназии. Не раз в наших походах за город мы натыкались на группы молодежи из движения «Следопыты» или «Лагеря восходящих», с которыми были знакомы и обменивались приветствиями. Ничего в этом не было плохого, за исключением того, что среди этих групп были ребята из нашей гимназии, знавшие господина Тироша. Это его весьма беспокоило.

Но он нашел удачный, я бы сказал, хитроумный выход из ситуации, вызвавший улыбки у каждого из нас. Это было в стиле искусных заговорщиков, которые умели водить всех за нос. После беседы господина Тироша с доктором Розенблумом, нам было сообщено дирекцией школы о создании кружка по истории и археологии под руководством господина Тироша. Заинтересованных учеников просили обратиться в секретариат гимназии. Понятно, что мы туда бросились первыми и все пятеро тут же записались в кружок. Но проблема была в том, что записались и другие ученики. Габриэль разделил записавшихся на две группы. В одной были мы, в другой – остальные семь учеников. Походы с ними были как бы «жертвой» во имя нашей цели. Но их он тоже водил по своим любимым местам.

Тем временем произошли и другие события, которые необходимо отметить. В разгар той зимы Карфаген, который был нашим классным руководителем, заболел крупозным воспалением легких. И пока он страдал от болезни, доктор Розенблум посчитал нужным назначить вместо него другого классного руководителя. К большой нашей радости избран был господин Тирош, и мы видели в этом мудрость «старика», который знал, в чьи руки можно передать наш седьмой класс, не считаясь с молодостью и стажем преподавателя. Мы отметили разочарование в лице господина Дгани. Выбор доктора Розенблума также не понравился доктору Шлосеру. Но мы вовсе не собирались им соболезновать.

Наш новый классный руководитель назначал время от времени личные беседы с учениками класса, отвечая на их вопросы. По сей день не знаю, сделано ли это было из педагогических соображений или из желания облегчить ситуацию с нашими встречами и не дать развязать языки тем, которые знали об этих встречах на квартире Габриэля. Но он сделал все возможное, чтобы обеспечить особые нужды «узкого кружка», как мы сами называли себя языком Габриэля. Теперь в качестве руководителя кружка по истории и археологии и классного руководителя он встречался с нами, не вызывая никаких подозрений.

Еще одно облегчение мы ощутили после того, что произошло во дворе Розенблитов и Шульманов, соседей Габриэля по дому. Однажды, в очередной раз, собираясь подняться в квартиру Габриэля, мы увидели, как два этих старика размахивают топорами, пытаются нарубить дрова. Несмотря на сильный холод в тот вечер, пот с них катился градом. Они тяжело и хрипло дышали, взмахивая топорами, не в силах разрубить полено. К тому же Шульман был простужен, и его душил кашель.

Яир, не говоря ни слова, с приветливой улыбкой, забрал топор у Шульмана, что означало: положитесь на меня. За ним Аарон взял топор из рук Розенблита. Немного надо было времени, чтобы во дворе стариков выросли аккуратно сложенные поленицы нарубленных дров. Старики от всего сердца благодарили Яира и Аарона, хотя для ребят было само собой понятно, что старикам необходимо помочь. По тому, как они хлопали ребят по плечам и пожимали им руки, было ясно, что существовавшая между нами и стариками отчужденность прошла, завеса между нами упала, и те подозрительные взгляды, которыми они нас встречали и сопровождали, больше не повторятся. Теперь они старались с нами заводить разговоры при любой возможно-

сти. Более того, Яир начал пробовать говорить на идиш. Это нас весьма веселило и вызывало много шуток.

2

Расскажу еще об одном изменении атмосферы в классе. С того времени, как Айя на всех переменах стала разговаривать со мной, укрепилось мнение среди одноклассников, что симпатии Айи направлены вовсе не на Дана или Аарона, а на меня. Кто-то пустил слух, что видел нас вдвоем гуляющими за городом, и это новое предположение стало набирать силу. На лицах некоторых сплетниц было написано особое удовлетворение, которое испытывают те, кто разгадал сложную загадку. В конце концов, все пришли к общему согласию о предмете любви Айи.

Я бы даже не коснулся этой темы, если бы внезапно и решительно не изменилось ко мне отношение одноклассниц. До этого они относились ко мне, как к бесчувственному камню, который даже не стоит того, чтобы его перевернули. Если на мне останавливался случайный взгляд девицы, он был мимолетным и сопровождался бормотанием приветов, короче моргнувшего глаза. Но с момента, как возникли подозрения, что я стал избранником сердца самой красивой девушки в классе, моя ценность на женском рынке акций подскочила в десятки раз. Меня стали приглашать на вечеринки в узком кругу некоторые из одноклассниц. Я даже получил записку от незнакомки, которая писала, что будет рада встречаться со мной, и просила в знак согласия оставить ответную записку в определенном месте. Это меня ужасно удручало. Когда я понял, что ценность моя, которая повышается в глазах товарищей, не истинна, а связана с выдуманной ими уверенностью, что я покорил сердце гордой девушки, я загрустил. Понятно было, что повышенное внимание девиц к моей персоне, по сути, было направлено не на меня, такого, каков я, а с одной целью – оторвать меня от соперницы. Это было соревнование в ревности и зависти. Некоторым красавицам в классе важно было доказать, что их чары превосходят притягательность Айи, и они в силах переманить меня. Знали бы они истинное положение вещей, правильно бы оценили мою роль в отношениях с Айей, ценность моя в их глазах упала бы точно так же, как и взлетела.

Айя избрала меня собеседником из-за особой моей способности выслушивать и понимать то, что наболело в ее душе. Она была уверена с какой-то обезоруживающей наивностью, что отношение мое к ней отличается чистотой и уравновешенностью, лишенной всяких личных эмоций. Она откровенно делилась со мной всем, что тревожило и отягчало ее душу. Мы обменивались впечатлениями от прочитанных стихов и книг (политика и наука ее не интересовали), обсуждали одноклассников и учителей. А однажды, когда она рассказала мне странный сон, не скрыв от меня деталей, которые выставляли ее в явно невыгодном свете, я вдруг почувствовал невероятную душевную близость к ней, пробудившую во мне даже какую-то гордость и, не сдержавшись, спросил ее:

«Ты это рассказала Дану и Аарону?»

«Дану и Аарону? – она невероятно удивилась.

«Да. Ты что, им не рассказываешь такие вещи?»

«О, нет... Как это вообще пришло тебе в голову? Дан и Аарон не подходят для этого. Их интересует совсем другое».

«Что?»

«Ну, там, наблюдения, слежка, англичане, арабы, и все прочее».

«И вы никогда не говорили, к примеру, о стихах, книгах, дружбе и любви?»

«Почти что нет, – ответила она, чувствуя явно какую-то неловкость, – ты должен понять, Дан и Аарон – другие. Они родились быть солдатами, и кроме этого их ничего не интересует».

«Ты хочешь сказать, – произнес я даже с какой-то обидой, – что Дан и Аарон – настоящие мужчины. А такие мужчины не склонны к пустым разговорам, подобным нашим?»

«Совсем нет!» – возразила она мне с горечью. – Для меня это вовсе не определяет настоящего мужчину. Вот, к примеру, господин Тирош».

«Господин Тирош?»

По лицу ее было видно, что она жалеет, что приплела к разговору его имя, но отступить уже не было возможности, и она должна была объяснить эту оговорку.

«Да. Габриэль родился держать в руках оружие, но в то же время он способен понимать искусство и духовные потребности».

«Откуда тебе это известно?» – спросил я, вовсе не удивляясь тому, с какой свободой она определила качества человека, который в той же мере принадлежал и мне.

«Я разглядывала книги на его письменном столе. Там, около портрета».

«Какого портрета?»

Лицо ее стало гневным. Я не мог оторвать глаз от ее лица, настолько оно было прекрасно в гневе.

«Память твоя, вероятно, приспособлена только к учебе», – сказала она с открытой насмешкой.

«Погоди, ты имеешь в виду тот портрет красивой девушки на столе Габриэля?»

«Да, именно это я имею в виду. Пришло время, чтобы ты понял, что я имею в виду в связи с этим «портретом».

Странно мне сейчас, после стольких лет, как я не обратил тогда внимания на интерес Айи к этому портрету еще при первом нашем посещении квартиры Габриэля. Не думал, что этот портрет в будущем будет ставить нас в неловкие ситуации, пока Айя не попросила меня узнать у Габриэля, кто эта девушка на портрете, что казалось мне грубым вторжением в личную жизнь нашего учителя. Но, конечно же, я выполнил и эту ее просьбу, как выполнял все другие. Это было позже, о чем я расскажу в свой срок.

3

Так как мы все время стоим под знаком изменений, следует рассказать о таком изменении в жизни нашей компании, вернее, в жизни одного из нас.

Яир Рубин, который изводил учителей своими сумасшедшими выходками, неожиданно перестал бесчинствовать. Вероятно, это следовало приписать влиянию на него Габриэля или событию в семье, после того, как мучившая его шесть лет мачеха развелась с отцом. История детства Яира была одной из самых безотрадных историй, которые я слышал в моей жизни. Его отец, Абраша Рубин, репатриировался в Израиль с третьей волной алии и вместе с товарищами основал кибуц М. Женился. Родился сын Яир. Жена спустя некоторое время умерла. Первые дни своей жизни Яир находился в детском садике кибуца, а затем – в детском доме. Это было время относительно спокойной и счастливой жизни. Однако когда Яиру исполнилось шесть лет, отец оставил кибуц, ибо не мог там проявлять инициативу, и переехал в Иерусалим. Там стал работать простым штукатуром. И начались в жизни Яира горькие дни. Лишенный постоянного заработка, отец за гроши нашел кров в ветхом бараке в предместье Санхедрия, где тепло и солнечный свет одолевали сильные северные ветры. Дождь был постоянным гостем, свободно проникая через прохудившуюся крышу барака. Запах плесени, извести и красок не выветривался из маленькой комнатки, и в этом облаке липкой влажности – источнике всяческих заболеваний, обретался мальчик с момента возвращения из школы до прихода отца с работы. Мальчика подкармливали сердобольные соседки, сами из бедных семей. Его дразнили и задевали подростки квартала, видящие в нем чужака. Бедность и жалкую жизнь в глазах Яира символизировали тарелки супа, которым подкармливали его соседские домохозяйки до прихода отца, и примус, напускавший дым, на котором мальчик учился нагревать в кастрюле суп на ужин себе и отцу. Иногда пересаливал, вызывая ярость несчастного Рубина-отца, бесильного выбраться из каторжного ярма и нищеты.

«Теперь вы понимаете мое отвращение к языку идиш? – говорил Яир. – Ведь на нем говорили все соседки наши в Санхедрии. Идиш это знак бедности. Идиш это жалкий перловый суп и чадающий фитиль коптилки. Все серое и жалкое в жизни для меня выразалось в этом несчастном языке».

Жизнь Абраши Рубина, становилась все хуже и хуже, сердце ожесточенней, подобно твердеющей штукатурке. Отец стал воспитывать сына при помощи ремня, который висел на стене и предназначен был для затачивания бритвы. Всю злость от бесконечных неудач отец переносил на худое и маленькое тело сына, который казался ему средоточием дерзости и дикости. Тогда-то Яир научился громко рыдать и, главное, издавать первые свои дикие вопли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.